АГИТПРОПОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБКОМА РКП (б).

КАНУН 1905 г.

МАТЕРИАЛЫ К ЦИКЛУ ДОКЛАДОВ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОБРАНО Ц. БОБРОВСКОЙ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1925

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В процессе исследовательской работы по истории эпохи, именуемой 1905 годом, приходится иметь дело с образцами прокламационной и иной литературы, которые по своей яркости и выразительности подчас бросают целые снопы света на отдельные этапы борьбы того времени. Нам казалось бы целесообразным, чтобы такая литература была попутно использована агитпропом Ленинградского Губкома, как иллюстративный материал для докладов по вопросам истории нашей первой революции.

В настоящем предлагаемом вниманию товарищей-докладчиков первом выпуске скомбинирован материал, могущий быть использованным для вступительного доклада, для доклада-пролога к истории боевого 1905 года.

Здесь дается новогодняя прокламация Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. на новый 1904 год, подводящая итоги знаменательного 1903 года и в добавление к ней красноречивый царский манифест 26 февраля «в лето от рождества христова тысяча девятьсот третье».

Несколько прокламаций, связанных с началом и дальнейшим ходом Русско-Японской войны, дипломатическая переписка царского правительства с Японией, опубликованная тогда в «Правительственном Вестнике», глава из мемуаров графа Витте—достаточно красочно рисуют всю обстановку войны.

Статья т. Ленина «Падение Порт-Артура» как бы подводит итоги войны.

В дальнейшем прилагается краткий, но на наш взгляд чрезвычайно выразительный материал о состоянии наших большевистских рядов накануне 1905 года.

Ц. Бобровская.

1. „НА НОВЫЙ ГОД“.

(Прокламация 1904 г. Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НА НОВЫЙ ГОД.

Уходит год, год борьбы и жертв, год бешенства произвола и насилия, год славных схваток народных масс с варварским правительством. Кровавым заревом закатывается этот год, и в воздухе носятся тревога и смятение, боевой клич и грозная месть—то враг наш почуял приближающуюся катастрофу, то рабочий народ кричит о мести палачам и рвется на решительный бой. Бросим, товарищи, прощальный взгляд уходящему году, помянем его знаменательные моменты и подведем итог тому наследству, которое мы от него получили.

С амвона произвола и насилия—с высоты «царского престола»—было признано вначале года революционное шествие русского народа. Смута заставила царя заговорить. И заговорил он языком самодержавия, языком лжи, коварства и лицемерия [1]. На эту удочку, правительство думало еще тогда поймать смуту. Лицемерными фразами от имени самодержавного выродка думали еще тогда успокоить начавшие уже волноваться народные массы.

И как бы в ответ на этот гнусный манифест царя, через несколько дней после его обнародования, произошла грандиозная демонстрация рабочих в Ростове на-Дону, небывалое еще до тех пор в России выражение народного гнева против варварского правительства, в том же Ростове на-Дону, который несколько месяцев перед тем представил миру величественное зрелище знаменитых ноябрьских митингов забастовавших рабочих. Десятки тысяч рабочих гордо шли по улицам города и посылали громкие проклятия самодержавию. И ни полиция, ни казаки, не в состоянии были задержать революционное шествие рабочего народа по улицам Ростова. Наши

---

[1] См. приложенный манифест.

красные знамена высоко развевались над громадой и далеко возвещали близкий час восстания рабочего люда против своих угнетателей. То был трубный глас,—сзывающий борцов за общее дело, за народное дело.

И спустя несколько месяцев весь Юг России был охвачен невиданным дотоле народным движением. Всеобщая стачка рабочих вспыхнула в Одессе, Екатеринославе, Киеве, Тифлисе, Батуме, Баку... Рабочие массы, как один человек, требовали лучшей жизни, прекращения правительственного произвола, уничтожения варварского самодержавия. Под открытым небом, на улицах и площадях городов, собирались рабочие массы, геройски сражаясь с полицией и казаками и обращая в бегство этих царских башибузуков. Открыто, на глазах полиции и солдат, произносили революционные речи, подхватываемые единодушным одобрением воинственной толпы. «Долой самодержавие!»...—кричал народ—«долой убийц!»... «Да здравствует политическая свобода!»... В эти славные июльские дни вся обычная жизнь приостановилась по решительному мановению мускулистой руки рабочего люда. Приостановилось сообщение поездов, городам грозило остаться без воды, без освещения, без хлеба. Полицейские запрещения потеряли всякую силу. Открыто разбрасывались социалдемократические прокламации, открыто и громко они читались десятками тысяч рабочих. И только перед военной силой, после варварского массового расстрела безоружных людей, должны были отступить народные толпы. То был отклик рабочего люда на призыв к борьбе, то был первый опыт народного восстания.

А наш враг, как пораженное стрелой чудовище, дико метался в этом году на все стороны, производя вокруг себя ужас и опустошение. Скоро после сладких и лицемерных звуков манифеста народ услышал другие звуки, ужасные звуки стрельбы в толпу мирных рабочих в Златоусте, собравшихся для обсуждения своих дел. И после этого массовые расстрелы повторялись один за другим во всех городах Кавказа и в больших городах южной России. Все прошлое лето по русской земле раздавался ужасный гул ружейных залпов. Сотни убитых и раненых... Стоны умирающих, плач осиротелых родителей, вдов и сирот разнеслись по всей стране.

За массовыми расстрелами и варварскими истязаниями последовали дикие факты расправы лицемерного правосудия. За участие в демонстрации—смертные приговоры, за разбрасывание прокламаций—каторга, вечное поселение в Сибирь, долголетнее тюремное заключение... Оно захотело судить своих врагов, наше правительство, но не осмелилось судить их открыто, перед глазами народа, не осмелилось потому, что оно боится показать свою неправду народу, не осмелилось потому, что оно боится встретить в народе судью над самим собою.

Придумало наше правительство в этом году дьявольское средство для отвлечения от себя народного гнева. По тайному приказу палача фон-Плеве, произведена была дикая резня над беззащитными евреями в Кишиневе и Гомеле. Несколько сотен наемных убийц совершали при содействии полиции и солдат ужасающие преступле-

ния над евреями в дни Светлого Христова Воскресения. Среди белого дня убивали стариков, рвали на части детей, на глазах родителей с зверским цинизмом насиловали дочерей. Весь мир дрогнул, когда услышал об этих ужасах. И когда во всех странах света раздались крики негодования, у министра-палача хватило наглости свалить это, ему одному принадлежащее преступление на нас, будто мы, рабочие, мстим евреям за то, что они идут в революционную армию. Таков наш враг, товарищи, таковы его деяния. Таким он показал себя в заходящем году. Больше бесчеловечности, больше зверства, больше наглости трудно и придумать. И с этой сволочью нам приходится бороться, этот позор еще давит нашу родину, это безобразное чудовище еще продолжает пятнать невинной кровью русскую землю...

Но близок час победы, товарищи. К бою готовится рабочий народ России. В нашу революционную армию бегут все угнетенные, все ненавидящие произвол и рвущиеся к свободе. Близок час восстания народных масс на решительную битву из укрепленного нашего лагеря.

А наш лагерь укреплен, наша социал-демократическая рабочая партия собрана и организована. В заходящем году состоялся второй с'езд нашей партии, с'езд, которого мы все так долго ждали и к-ый был так необходим для собрания и правильной организации наших сил. Это дорогое наследство заходящего года мы сумеем хранить в будущем году, увеличим его ценность большой сплоченностью, большим единодушием и большой правильностью наших действий по всей России. С сознанием своего достоинства, достоинства борцов за свободу, со скорбной памятью о жертвах, павших в славных стычках с врагом, с беспредельной ненавистью к этому врагу— с этими чувствами мы прощаемся с уходящим теперь от нас 1903 годом. С готовностью к борьбе, со светлыми упованиями мы встречаем новый 1904 год. Дружнее, товарищи... Высоко поднимем наше красное знамя. Да развевается оно гордо и широко по всей русской земле. Да раздастся по всей России из многомиллионной груди народа крик: «долой гнусное, варварское, лицемерное, обрызганное кровью самодержавие»...

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

СПБ. Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Д. О. О. 5 ч. 6 л. III
1898.

Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний. Петерб. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидации 25 февраля и 9 апреля 1904 г.

2. МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ ВТОРОГО

от 26 февраля 1903 г.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являем всем верным нашим подданным:

Изволением промысла божия, вступив на прародительский престол, мы приняли священный обет пред лицом всевышнего и совестью нашею свято блюсти вековые устои Державы Российской и посвятить жизнь нашу служению возлюбленному отечеству.

В неусыпных заботах о подданных наших, мы обрели пути к осуществлению народного блага в разуме приснопамятных дел державных наших предшественников и, прежде всего, незабвенного родителя нашего.

Богу всемогущему угодно было, в неисповедимых путях своих, прервать преждевременною кончиною державные труды возлюбленного родителя нашего и тем возложить на нас священный долг довершить начатое им дело укрепления порядка и правды в Русской Земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни.

К глубокому прискорбию нашему, смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни, препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния. Смута эта, волнуя умы, отвлекает их от производительного труда и нередко приводит к гибели молодые силы, дорогие нашему сердцу и необходимые их семьям и родине.

Требуя от всех исполнителей нашей воли, как высших, так низших, твердого противодействия всякому нарушению правильного течения народной жизни и уповая на честное исполнение всем и каждым их служебного и общественного долга, мы, с непреклонною решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным, признали за благо:

Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной.

Продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного

сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы.

В соответствии с предлежащими задачами по упрочению народного хозяйства, направить деятельность государственных кредитных учреждений, особливо дворянского и крестьянского поземельных банков, к вящшему укреплению и развитию благосостояния основных устоев русской сельской жизни—поместного дворянства и крестьянства.

Предначертанные нами труды по пересмотру законодательства о сельском состоянии, по их первоначальном выполнении в указанном нами порядке, передать на места для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях, при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных. В основу сих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины.

Принять безотлагательно меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки.

Преобразовать губернское и уездное управление, для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью, пред нами строго ответственною.

Поставить задачею дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах там, где это представится возможным.

Призывая всех наших верноподданных содействовать нам к утверждению в семье, в школе и общественной жизни нравственных начал, при которых под сенью самодержавной власти только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав, мы повелеваем нашим министрам и главноуправляющим отдельными частями, к ведомству коих сие относится, представить нам соображения о порядке исполнения предначертаний наших.

Господь вседержитель да ниспошлет благословение на царственный труд наш и да поможет он нам, при тесном единении всех верных сынов отечества, исполнить наши помышления об усовершенствовании государственного порядка установлением прочного строя местной жизни, как главного условия преуспеяния державы нашей на твердых основах веры, закона и власти.

Дан в С.-Петербурге в 26-й день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот третье, царствования же нашего в девятое.

На подлинном собственною его имераторского величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

«Русская Мысль»,—Ежемес. лит.-полит. издание. Год двадцать четвертый. Книга III, стр. 205. Москва 1903 г.

---

3. О ВОЙНЕ.

(Прокламация 1904 г. Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

О ВОЙНЕ.

Ожидается война между Японией и Россией. Весь мир с напряженным интересом следит за событиями на Дальнем Востоке. Газеты переполнены телеграммами и всякого рода известиями о приближающейся войне. Сегодня газеты говорят о мирном разрешении вопроса, завтра же—о неизбежности войны. Тем временем оба государства готовятся на всякий случай и закупают миллионы пудов провианта. Наши войска и флот отправляются на Дальний Восток. Между тем правительство старается расположить общество в пользу этой жестокой, бесчеловечной затеи. С этой целью один петербургский священнослужитель счел нужным сказать длинную проповедь при большом стечении народа, в которой доказывал, что война—дело святое и вполне христианское. Наша святая церковь уже благословляет нас на позорное братоубийство именем страдальца Христа и всемогущего бога. Наш царь уже забыл о своей лицемерной проповеди мира между народами и с легким сердцем готов отправить наших сынов и братьев на заклание, на жестокую бойню с неведомыми нам врагами.

В чем же дело? Яблоком раздора между Японией и Россией являются Манчжурия и Корея. Первая—это громадная северо-восточная область Китайской Империи. Гористый полуостров Корея это маленькое государство, находящееся под покровительством Японии и Китая. Обе эти земли, как Корея, так и Манчжурия лежат на Дальнем Востоке, на расстоянии 10—15 тысяч верст от Европейской России. Наше правительство прежде всего обратило свои взоры на Манчжурию и решило захватить ее в свои руки. Оно устроило это дело очень тонко. Сначала оно получило от китайского правительства разрешение на постройку Манчжурской дороги. Но вскоре началась война всех европейских государств против Китая. Россия воспользовалась этим и заняла своими войсками всю Манчжурию как бы для охраны дороги. По окончании войны правительство заключило договор с Китаем, что в октябре 1903 года русские войска будут удалены из Манчжурии, а для защиты дороги останется небольшой гарнизон. Но русское правительство договор нарушило. Войска не удалены из Манчжурии. Она в настоящее время уже захвачена Россией. Подобная же участь грозит в ближайшем будущем и Корее, где уже началось хозяйничанье русского правительства.

В Корее наши хищники занялись лесопромышленностью. Образовалась русская акционерная компания, которая за гроши захватила громадные леса и начала их без зазрения совести вырубать и хищнически уничтожать. Самым главным пайщиком этой компании, душой этого предприятия, является великий князь Александр Михайлович, да и сам царь приобрел там акций на 500.000 рублей. Капиталисты приобрели новый рынок для своих товаров. Дворянство, мелкие и великие князья увлеклись возможностью легкой крупной наживы в азиатских странах. Захотелось им удобного выхода к морю, захотелось незамерзающих бухт на берегах Желтого и Японского морей. Понадобилось укрепиться на бесконечно далеком от нас Тихом океане для участия во всемирной торговле. Уже затрачены сотни миллионов на железную дорогу, на постройку портов и крепостей в зтих, бесконечно далеких от нас странах. Но японское правительство в свою очередь также имеет довольно определенные виды на Корею и Манчжурию. Японская империя лежит на Дальнем Востоке и состоит из ряда островов, с очень густым населением и отделена от Кореи и Манчжурии небольшим проливом. Японское правительство ищет себе новых земель по соседству. Оно также заинтересовано в приобретении новых рынков. И для него Корея и Манчжурия лакомый кусочек. Вот почему Япония и решила выступить в настоящее время защитницей Манчжурии и Кореи от хищных замыслов российского двуглавого орла. Японское правительство требует, чтобы Россия очистила Манчжурию и Корею. В случае отказа будет об'явлена война. Ну, а Китай? Несчастный Китай раздирается на части всеми европейскими государствами, из которых каждое старается захватить в свои лапы львиную долю. Китай—это затравленный волк.

Итак, ожидается война между Россией и Японией. Кому она нужна? Для чего готовится эта ужасная и вместе с тем бессмысленная человеческая резня? С какою целью русские войска отправляются за десятки тысяч верст? Постараемся ответить на эти вопросы. При современном буржуазно-капиталистическом строе общества высшие классы и правительство одухотворены одной великой идеей наживы и прибыли. Их вечно гложет неутолимая жажда новых богатств, новой крупной добычи. В этом вечном стремлении к новым и новым богатствам, к бесконечному увеличению капиталистической прибыли и заключается главная пружина всяких государственных афер и колониальных предприятий. В зтом заключается весь смысл так называемой иностранной политики. С этой целью каждое правительство тратит миллиарды народных денег, держит громадные войска и флот, строит дороги, укрепляет границы целым рядом крепостей и портов. С этой целью каждое правительство стремится прежде всего округлить свои владения, т. е., просто говоря, захватить у своих соседей все то, что плохо лежит. Но на этом буржуазно-капиталистическое государство не останавливается. Укрепив и округлив свои владения, оно устремляет свои взоры на далекие страны, оно стремится к приобретению новых земель, нового

рынка для своей промышленности и торговли. А для этого нужен флот, нужен свободный выход к морю, нужны удобные бухты и гавани. Снова тратятся миллионы народных денег в угоду капиталистическому молоху. Для процветания промышленности и торговли правительства отправляют цвет своей родины, лучшие молодые силы на жестокую, бессмысленную бойню. Все вышесказанное относится и к России. Русь наша велика и обильна. К чему нам новые земли? К чему нам бесконечно делекие от нас Манчжурия и Корея? Ларчик просто открывается. С приобретением этих земель наши капиталисты и правительство найдут новые рынки для своих товаров и начнут загребать крупные барыши. Наша промышленность и торговля получат выход к Тихому океану. Пойдет омерзительная вакханалия и хищный захват чужих богатств. А наш самодержец станет царствовать также и над Манчжурией и Кореей, управляя всем оркестром грабежа и насилия. Что же выпадет на нашу долю? Разбогатеем ли и мы от этого? Нет! Увеличатся налоги и вздорожает вся жизнь. Нашей кровью будут только заливаться поля далекой стороны, а здесь будут изнывать от горя и нищеты осиротелые родители, жены и дети. Не верьте же лицемерной лжи наших подлых патриотов и хитрым затеям русского правительства. Жизнь нам нужна. Для нас самих, для наших детей! Какая охота проливать свою кровь для удовлетворения дикой и ненасытной алчности мелких и великих князей, в угоду царю и его палачам. Наши враги— высшие классы, а не японцы и китайцы. Наши друзья—пролетарии всех стран и наций, а следовательно и пролетарии японские и китайские, которым и шлем свой братский привет! А русскому самодержавию и всему русскому монархическому строю мы шлем свое проклятие!

СПБ. Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Январь 1904 г.

Д. О. О. 5, ч. 6 л. III
1898.

Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний Петербургск Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидации 25 февр. и 9 апр. 1904.

4. ВОЙНА НАЧАЛАСЬ.

(Прокламация 1904 г. Петербургского Комитета Р. С. Д.-Р. П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ!

Война началась... Сотни тысяч русских пролетариев идут сражаться не на жизнь, а на смерть с сотнями тысяч японских пролетариев. За что? Что рассорило нас с японцами? Какое зло нам причинили

японские пролетарии, какое зло мы причинили им? Питаем ли мы вражду к японским рабочим, питают ли они вражду к нам?

Нет. Нет никакой вражды между нами. Не чувство вражды, а чувство дружбы, чувство солидарности мы питаем друг к другу. Мы, сознательные русские рабочие, радуемся каждому успеху японских рабочих в их борьбе с японскими эксплоататорами, и наша борьба с нашими капиталистами приветствуется с дружескими пожеланиями японскими сознательными рабочими. У нас общий враг—капиталисты и правительства, поддерживающие их.

Народные полчища, русские и японские, не по своей воле идут сеять ужас и смерть. Их шлют на убийства и опустошения те, которые имеют власть в своих руках, те, которые эксплоатируют и порабощают нас.

Это власти японские, тщательно оберегающие интересы японских капиталистов и выставляющие против стачечников войска, это власти русские, расстреливавшие нас в Ростове, Одессе, Киеве, Златоусте, Баку, Батуме, Тифлисе и других местах за то, что мы потребовали себе лучшей жизни, засекавшие голодных крестьян до смерти,—это правительства, японское и русское, поспорили между собою и решают свой спор смертным боем между нами.

Пролетариат не хочет войны. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»—вот клич, который раздается из пролетарской среды в каждой стране. Мир между народами! Конец войнам!—это уже давно провозглашено пролетарскими партиями всех народов. И с самого начала русско-японского спора, как русские, так и японские социал-демократы взывали к миру и протестовали против гнусного натравливания обоих народов друг на друга.

Войны—это дело рук наших врагов, капиталистов и правительств, обогащающихся нашими несчастьями и посылающих нас расплачиваться за свои грехи в спорах друг с другом из-за наживы. В погоне за наживой разные правительства Европы предпринимают колониальные войны, которые сулят большие богатства одним только капиталистам.

Но война с Японией? Кому она нужна? Чего ждут от нее наши капиталисты? Война эта безумная, никому ненужная, сулящая одни только несчастья, обещающая одно только раззорение. И этой войной мы обязаны только нашему самодержавному правительству.

Ни в одной стране, пользующейся политической свободой, немыслимо возникновение такой безумной войны. Там, где правительство ограничено в своей власти, где оно должно на каждое свое действие испрашивать разрешения народных представителей, эти народные представители не давали бы правительству бессмысленно тратить на манчжурскую железную дорогу, на захват никому ненужных земель сотни миллонов и тем вызывать конфликт с соседней державой. Даже господствующие классы, классы капиталистов, не позволили бы правительсву пуститься в такую опасную и бессмысленную игру. Только у нас, где вместо представительства народных интересов, господствует произвол и самодурство, только

у нас, где запрещается всякое свободное обсуждение общественного вопроса, только у нас самодержавное правительство имело возможность довести страну до раззорения и повергнуть ее в ряд кровавых столкновений и несчастий.

Да падут же на его голову все стоны и проклятья раззоренного им народа, все ужасы и несчастья вызванной им буржуазной войны!

Товарищи! По милости нашего самодержавного правительства нам предстоит страшное кровопролитие. А последствия его еще страшнее. Даже «Новое Время» уже задумывается над вопросом, «не ждет ли нас новый Севастополь?»

Севастополь! То было пятьдесят лет тому назад, во время ужасов крымской войны. Правительство Николая I, державшее весь народ в рабстве, довело Россию до крайней степени раззорения и своей безумной политикой вызвало конфликт с Англией и Францией. Конфликт дошел до войны, длившейся очень долго, поглотившей неисчислимое количество человеческих жизней и средств и окончившейся поражением русской армии при Севастопеле. То было поражение не одной только армии, то было поражение всей страны, крушение всего государственного порядка, основанного на рабстве народа, на крепостном праве. Николай I не в состоянии был пережить это поражение и отравился: Севастополь наглядно показал, до чего довело Россию его деспотическое правление.

После Севастополя немыслимо было сохранить крепостное право. грозившее окончательной гибелью России. Правительство Александра II, скрепя сердце, отменило крепостное право и ввело некоторые реформы в государственные учреждения. Но самодержавие осталось и продолжало держать народ в невежестве и нищете, продолжало душить всякое свободное слово, продолжало насаждать произвол и насилие. И вот плоды этой полувековой правительственной работы: раззоренная страна, постоянные голодовки крестьян, недовольство во всех слоях населения, взяточничество, казнокрадство и открытый грабеж...и в довершение всего безумная война на далекой окраине. «Не ждет ли нас новый Севастополь?»

Похоже на то. Как тогда, пятьдесять слишком лет тому назад, еще до начала войны для всякого вдумчивого человека была ясна гнилость государственного порядка, основанного на рабстве народа, так и теперь все разумные и неподкупные люди России видят в самодержавии варварское иго, гнетущее и позорящее русский народ. Как тогда война на тогдашней далекой окраине явилась завершением политики правительства против интересов народа, так и теперь борьба правительства с народом и война на Дальнем Востоке. Но неужели только новый Севастополь может избавить нас от варварского самодержавия? Неужели Россия должна ждать своего освобождения до тех пор, пока правительство не подарит ей полного поражения?

От нашей энергии, товарищи, от энергии борющегося против самодержавия рабочего народа зависит судьба России. Чем энергичнее будет вестись революционная борьба, чем настойчивее рабочий

народ будет заявлять о своих требованиях политической свободы, чем могучее будет восстание народных масс против своих угнетателей,—тем больше шансов для России обойтись без нового Севастополя.

Дружнее за революционную работу, товарищи! Мы переживаем важные исторические моменты. Каждый час дорог. Соберем все наши силы, удесятерим нашу энергию. Расскажем народу, кто истинный виновник всех его бедствий, на кого падает ответственность за предстоящие ужасы войны. И пусть в ответ на лицемерные обращения правительства к народу, раздастся единодушный крик:

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА!

СПБ. Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Февраль, 1904 г.

Д. О. О. 5 ч. 6 л. III
1898
Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний. Петербургск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидации 24 февр. и 9 апр. 1904 г.

5. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ГРАБЕЖ И ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО.

(Прокламация 1904 года Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВИТЕЛЬСТБЕННЫЙ ГРАБЕЖ И ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО.

Самодержавие, казнокрадство, взяточничество, произвол и беззаконие—все эти явления непосредственно связаны между собою, все они суть лишь отдельные вариации на один общий мотив. Правление страной, без контроля народных представителей, без суда общественного мнения, при запрещении всякого свободного слова, при невыносимом стеснении общественной самодеятельности—есть не что иное, как господство целой армии самодержцев, начиная с министров и кончая земским начальником и уездным исправником. Произвольные высочайшие повеления дополняются произвольными постановлениями различных министров, произвольными распоряжениями

губернаторов и полицеймейстеров, произвольными циркулярами начальников всяких ведомств, произвольными приказами исправников, приставов и др. И все это находится под опекой государственной власти: их нельзя критиковать, им нельзя не повиноваться, как бы бессмысленны они ни были. Для самодержцев закон не писан. Воля самодержцев, произвол и беззаконие заменяют в России правовой порядок. И этот сонм самодержцев, действия которых недоступны общественному контролю, распоряжаются в России безапеляционно, как полные хозяева, как в своей вотчине. Действуя по своему усмотрению, они действуют также в свою выгоду. Страна—их собственность, жители—их данники. Нигде как в России, не развито так взяточничество, нигде как в России не вымогают так бесцеремонно, насильно и под разными предлогами деньги у обывателя, нигде как в России так не расхищаются казенные деньги разными штатными, сверхштатными и заштатными чиновниками. Самодержавие, казнокрадство, взяточничество, произвол и беззаконие — все это только разные формы одной и той же бесконтрольной власти бюрократии над всей страной.—Неудивительно поэтому, что во время войны Россия оказалась ни к чему не подготовленной. В военных складах, где числились запасы на долгие годы, оказалось по несколько мешков тухлой муки. В Порт-Артуре, где должен был быть запас всякого продовольствия на пять лет, имеется, даже по заявлению правительства, всего на год продовольствия, и то по выезде населения из города. Сибирская железная дорога не в состоянии провозить и половины определенного количества грузов и людей. Нет теплой одежды для солдат, и они перевозятся в товарных вагонах, мерзнут по дороге от жестоких сибирских холодов и сотнями прибывают мертвыми. Даже чисто военные принадлежности: оружие, порох, уголь и т. п. не имеются на лицо в том количестве, в котором они должны были быть, а на все это тратились сотни и тысячи миллионов народных денег, из-за этого десятки миллиовов крестьян голодали в продолжение десятков лет; и большая часть этих сумм расхищалась крупными и мелкими самодержцами! И вот, в настоящий критический момент, когда правительству самому приходится сознаться, что ничто не подготовлено, царская полиция открыла настоящий поход на карманы обывателей. Полицейские агенты действуют усердно и заставляют все общественные учреждения жертвовать свои суммы в казну для пополнения недочетов от проворовавшегося чиновничества. Разграблены все земские управы, все думы, все попечительства, все благотворительные учреждения. Купеческие общества жертвуют крупные суммы и раскладывают их потом на мелких торговцев. Даже с рабочих вымогают последнее, заставляя их работать сверхурочно и отчислять известный процент с своих заработков на военные нужды. Учителя, врачи, служащие в канцеляриях, железнодорожные служащие—все получают теперь жалованье в обрез, со всех выжимают долю на военные расходы. Вымогательство беззастенчивое, циничное, открытый грабеж! Промотавшееся правительство не постеснялось прибегнуть к этому средству.

Но это еще не все. Грабить можно народные деньги, когда они находятся в руках какого-нибудь учреждения или когда они выдаются, как частный заработок тем или другим учреждением. Но как подступиться к прочим обывателям, прямо не зависимым от правительства и его агентов? Их карманы выворачивать рискованно. И правительство нашло новое средство. Где грабеж невозможен или неудобен, там остается попрошайничество. Правительство и таким средством не брезгает. Не прошло недели с начала войны, как уже появилось высочайшее повеление, учредившее сбор пожертвований во всей империи на усиление армии и флота. И это в первую неделю войны—войны, которая по всей вероятности, будет длиться годы! Можно ли придумать лучшее свидетельство несостоятельности, чем то, которое правительство само себе выдало своим высочайшим попрошайничеством! Грабеж и попрошайничество—вот подвиги, которыми ознаменовало себя самодержавное правительство в первую минуту внешнего кризиса. Подвиги, достойные системы. Самодержавие, взяточничество, казнокрадство, произвол и беззаконие в мирное время, а в момент кризиса ко всем этим прелестям прибавляются еще грабеж и попрошайничество.

СПБ. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Февраль 1904 года.

Д. О. О. 5, ч. 6, л. III
1898.

Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний. Петербургск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидация 25 февраля и 9 апр. 1904 г.

6. ВОПРОС О ВОЙНЕ ДОЛЖЕН РЕШАТЬ САМ НАРОД.

(Прокламация 1904 года Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОПРОС О ВОЙНЕ ДОЛЖЕН РЕШАТЬ САМ НАРОД.

В текущие дни всех нас, товарищи, волнуют события на Дальнем Востоке. Кто победит в кровавом споре, покажет будущее. Но победим ли мы японцев, или же они уничтожат наш флот и армию, во всяком случае с нашей стороны будут большие жертвы на алтарь

отечества людьми и деньгами. Пусть в случае нашей победы японцы обяжутся возвратить нам часть наших военных расходов, но погибшая человеческая жизнь не возвратится.

Чем бы война ни кончилась, но война есть война, ужасное бесчеловечное, бессмысленное зло. А японская война тем большее зло, что ведется она исключительно в интересах капиталистов и послушного им правительства, желающих даже силой оружия удержать за собой на Дальнем Востоке рынки для сбыта товаров. А что же такое сила оружия, как не наша жизнь, наше здоровье, скромное человеческое существование наших семей? И вот теперь, когда поползновения русских капиталистов встретили естественный отпор со стороны японских, теперь, как вы читали в манифесте, русский царь высказывает «твердое упование на единодушную готовность всех наших верноподданных встать вместе с нами на защиту отечества».

Но почему же, несколько лет тому назад, когда задумали овладеть Манчжурией, собирались строить дорогу и крепости, тогда тратили на всю эту затею миллионы трудовых народных денег—почему тогда царь не обратился к народу с вопросом—что делать?.. Сомнения нет—народ своей многоопытной стомиллионной головою ответил бы свое разумное слово—и войны не было бы, не нужно было бы призывать и к жертвам.

Но царское правительство ничего этого не сделало. Напротив, оно всегда своими силами боролось против народного свободного слова. И те же пули, которыми теперь поражают врагов-японцев, царское правительство заставляло солдат посылать в грудь своих же братьев русских рабочих.

Почему же то же правительство, что идет войной против нас рабочих, борется против свободы собраний, слова, печати, совести и личности, не спрашивает нашего согласия на расходование собранных с нас—народа—денег,—теперь расчитывает на нашу помощь? Почему правительство, без нашего ведома и согласия устроившее все, чтобы вызвать войну. теперь, когда кровавый бой между врагами завязался, заставляет царя, призывающего расстреливать непослушных рабочих, «твердо уповать на единодушную готовность» народа жертвовать собой на пользу царского правительства и капиталистов?

Почему?—Поставьте себе, товарищи, этот вопрос и, подумав немного, вы на него ответите: потому что для царского правительства народ—не великий господин, а трусливый раб, даже больше, просто стадо, которое во время мира обязано работать на капиталистов, а во время войны должно жертвовать собой. Для царя, капиталистов и чиновников народ—только пушечное мясо.

Читая манифесты и призывы, нельзя забывать, что это те же волки, но только в овечьей шкуре. Ведь царское правительство не обращается к нам, как к свободным гражданам за нашим добровольным согласием, нет! Оно в льстивой форме приказывает жертвовать всем. Но жертвовать для кого и за что—об этом мы не смо-

жем даже разговаривать. Удел рабов один—повиноваться. И если бы на Невском состоялась рабочая сходка, где высказано было бы свободное слово о причинах войны, царское правительство не задумалось бы пушечными выстрелами разогнать народ.

И царское правительство иначе поступить и не может, ибо, допустив свободу собраний и слова, признав за народом право обсуждать правительственные действия, оно тем самым уничтожит самодержавие. Одно из двух, или самодержавие, при котором народ бесправен и молча под страхом тюрьмы и смерти должен повиноваться всякому царскому слову—или же свободное народовластие, т.-е. демократическая республика, когда сам народ через своих представителей и налоги на себя налагает и войны об'являет. Где народ владычествует, там царит свобода, где царь—там рабство, насилие и обман.

Взгляните, товарищи, внимательно вокруг себя и подумайте о своей роли и в этой войне и вообще во всей русской жизни. Неужели вам не бросается в глаза очевидный для всякого факт: налоги с народа правительство берет, а мнения народа о том, на что эти налоги тратить—не спрашивает. Капиталисты в своих интересах лезут на Восток и там уже много лет подготовляют войну, правительство помогает им, а рабочих, собирающихся для обсуждения своих насущных нужд, правительство приказывает разогнать штыками. Пока не было войны, с нас выжимали пот на фабриках; теперь война—капиталисты и чиновники кричат: «отечество в опасности»! и нас посылают на берега Тихого океана на убой.

Товарищи, в дни бедствий, как война, не малодушествуйте. Имейте всегда перед глазами подлинную русскую жизнь. Не упускайте из виду, что мы, рабочие, сильны только нашим товарищиским единением и знанием того, кто наш враг. Если теперь японцы наши враги, то только благодаря нашим постоянным врагам — капиталистам и царскому правительству. Война с Японией только последствие союза правительства с капиталистами. Война начата без согласия народа. Русские победят, и только капиталисты и чиновники извлекут из этого пользу. В случае поражения, вся тяжесть ляжет на народную шею.

И царь и капиталисты кричат—отечество в опасности, но, товарищи, отечество—это мы же сами—весь народ. В интересах этого народа лучше, если бы этой войны не было. А если она есть, то только потому, что народ не только не спросили, но силой штыков постоянно заставляют молчать.

Ради отечества, другими словами, ради нас самих, мы должны стремиться к тому, что бы то, что совершилось, больше не повторилось, мы должны стремиться к народному управлению. Ради отечества, т.-е. нас самих, борясь в рядах социал-демократии с капитализмом, мы должны бороться и с царским самодержавием.

И прежде всего мы должны победить царское самодержавие и на его месте утвердить в России истинное народное управление—демократическую республику.

Только тогда страшный вопрос—быть или не быть новой войне,—будет разрешаем самим народом в истинных его интересах.

Долой самодержавие и да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм и наша российская социал-демократическая рабочая партия!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ.

Февраль 1904 г.

Типография Комитета.

Д. О. О. 5 ч. 6 л. III
1898.

Преступная пропаганда среди рабочих и распространеиие среди них преступных воззваний. Петербургский Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидации 25 февр. и 9 апр. 1904 г.

---

7. НАШИ НЕУДАЧИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

(Прокламация 1904 года Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П.).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесъ!

НАШИ НЕУДАЧИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

Война только началась, а русское правительство уже успело воочию обнаружить всю свою слабость и неподготовленность, всю расшатанность и гнилость нашего государственного самодержавного строя.

Разыгрался первый акт морской трагедии. Из 12 боевых судов 7 вышло из строя. У русского правительства хватило тогда наглости взвалить свою ничем неискупимую вину на других, искать оправдания своего позора в азиатской хитрости японцев, об‘ясняя нашу неудачу внезапным ночным нападением врага. Не станем разбирать, правы или неправы были японцы. Такие внезапные нападения до об‘явления войны бывали и раньше. Надо было быть готовым ко всякой случайности. Наш флот поэтому должен был все время быть на стороже, под парами и не стоять на якоре. Весь позор нашего морского поражения заключается именно в том, что эти условия не были соблюдены. Оказывается, что мы стояли на якоре не только в эту злополучную ночь, но и на другой день, когда вся японская эскадра снова подошла к Порт-Артуру и аттаковала нас. Тем более нельзя оправдать наше правительство, что военные действия начались еще

раньше. Уже произошло столкновение при Чемульпо, где погибли Варяг и Кореец. Поэтому наш флот должен был быть на чеку. К довершению всего Енисей погиб от взрыва собственной мины. Много мелких транспортных судов захвачено японцами. Каковы же потери японцев? Официальные сведения говорят о вероятной гибели только одного крейсера и нескольких миноносок. Итак, порт-артурская эскадра осталась при 5 крупных боевых судах, в то время, как японский флот состоит из 15-ти. Три крейсера, находящиеся во Владивостоке, нам помочь не могут. Сила на стороне японцев. Положение наше критическое. Правительство растерялось. Поднят вопрос об отправке Черноморского и Балтийского флотов. Но Турция и Англия не выпускают теперь наш флот из Черного моря на основании Берлинского договора 1878 года. Да он и не годен для дальнего плавания. Остается одна надежда на Балтийский флот. Но тогда Петербург и весь северо-запад России останется совсем без флота, под защитою четырех только крепостей. Неизмеримое преимущество японских сил на море заключается еще в том, что они обладают великолепными портами, прекрасными мастерскими и огромными запасами угля и боевых припасов. У нас же там ничего этого нет. Доки в Порт-Артуре никуда не годятся, а Владивосток совершенно отрезан от главной эскадры. Из всего этого можно сделать только один вывод, — что на море господствуют сейчас японцы, а наши морские силы до крайности истощены.

Посмотрим же теперь, у кого перевес на суше. Русских войск на Дальнем Востоке было 180 тысяч. Мобилизация только удвоит это число, и то в течение 3 или 4 месяцев. Но необходимость защиты Манчжурской дороги на расстоянии 3 тысяч верст и бесконечно длинной береговой линии разобьет наши сухопутные силы на мелкие части. Своевременная доставка провианта и других припасов к месту военных действий представит почти непреодолимые трудности, если принять во внимание, что каждому вагону нужно 3 месяца, чтобы обернуться туда и обратно. Что же касается Японии, то она может выставить армию в 400 тысяч человек. Господствуя на море, они могут скоро получать провиант, припасы и необходимые подкрепления. Все это у них под руками. Оказывается, таким образом, что и на суше наше положение очень серьезное.— Спрашивается теперь, о чем думало наше правительство, когда оно накладывало свою тяжелую лапу на Манчжурию, когда оно завязывало Гордиев узел на Дальнем Востоке? Почему царь и его министры не предвидели заранее все эти непреодолимые трудности и препятствия? Почему не был строго обдуман весь план военных действий? Зачем было браться за эту безумную страшную затею? Зачем понадобилась нам бесконечно далекая Манчжурия? Для чего безумно растрачиваются сотни миллионов народных денег? Во имя чего, наконец, миролюбивый царь посылает на дикую бойню сотни тысяч наших братьев и детей? Только в деспотической самодержавной России возможно такое безумное бессмысленное и жестокое издевательство над угнетенным народом. Один только русский царь способен

совершать такие ужасные кровавые расправы. Будь в России народное представительство, нас не застали бы врасплох, не было бы бесцельного захвата Манчжурии, не было бы ужасающего кровопролития. Русское правительство теперь ни перед чем не остановится. Если понадобится, оно пошлет на смерть сотни тысяч солдат, благо в России их больше 120 миллионов. Нет сомнения, что мы в конце концов возьмем количеством своих войск, это значит, что победа останется за нами только потому, что солдат жалеть не станут, что пушечное мясо у нас в изобилии. Погибнет корпус за корпусом, составятся громадные горы трупов и на этих горах мы водрузим знамя славной победы. И увенчает себя русский царь лаврами этой позорной человеческой бойни. И будут его славить в церквах при торжественном звоне колоколов. Так было после русско-турецкой кампании. Но не ждет ли Николая II другая участь? Не очнется ли народ от своего векового сна и не поднимется ли он в конце концов на своих палачей? Другие теперь времена настали! Во главе народа стоит рабочая масса, которая начинает сознавать свою мощь и силу. Наступит время, и царский трон разлетится в прах под дружным напором рабочего класса, который откажется, наконец, быть пушечным мясом на потеху царю и его правительству.

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ РУССКОГО ТИРАНА!

СПБ. Ком. Рос. Соц.-дем. Рабочей Партии.

Февраль 1904 г.

Д. О. О. 5 ч. 6 л. III
1898.

Преступная пропаганда среди рабочих и распространение среди них преступных воззваний. Потербургск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Ликвидации 25 февраля и 9 апреля 1904 г.

8. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

1 марта 1904 г.

Война на Дальнем Востоке.—Правительственные сообщения и официальные акты по поводу Русско-японской войны.—Возможные дипломатические погрешности.—Вопросы о нарушениях международного права.—Нейтральные державы и общее политическое положение.

Последовательный ход событий обрисовывается в ряде правительственных сообщений, которые мы приводим здесь сполна. Министерство иностранных дел разослало русским представителям за границею следующую циркулярную телеграмму от 24 января:

«По поручению своего правительства, японский посланник при высочайшем дворе передал ноту, в коей доводится до сведения импе-

раторского правительства о решении Японии прекратить дальнейшие переговоры и отозвать посланника и весь состав миссии из Петербурга».

Вследствие сего государю императору благоугодно было высочайше повелеть, чтобы российский посланник в Токио со всем составом императорской миссии безотлагательно покинул столицу Японии.

«Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на-днях ответа императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями».

Сущность переговоров, предшествовавших разрыву, вкратце об‘яснена нашим дипломатическим ведомством в сообщении от 27 января:

«В минувшем году токийский кабинет, под предлогом установления равновесия и более прочного порядка вещей на берегах Тихого океана, обратился к императорскому правительству с предложением о пересмотре существующих договоров по делам корейским,—на что Россия из‘явила согласие.

«По высочайшему государя императора повелению, в виду учреждения к тому времени наместничества на Дальнем Востоке, составление проекта нового соглашения с Япониею поручено было генерал-ад‘ютанту Алексееву, при участии российского посланника в Токио, на коего возложено было ведение переговоров с японским правительством.

«Несмотря на то, что возбужденный по сему предмету с августа минувшего года обмен взглядов с токийским кабинетом сохранял дружественный характер, как известно, японские общественные кружки, местная, а также иностранная печать всячески старались вызвать воинственное брожение среди японцев и побудить правительство к вооруженной борьбе с Россиею.

«Под влиянием такового настроения токийский кабинет стал проявлять все большую и большую притязательность в переговорах, принимая одновременно самые широкие меры к приведению страны в боевую готовность.

«Все обстоятельства эти не могли, конечно, нарушить спокойствия России, но побудили ее сделать и с своей стороны соответствующие военно-морские распоряжения. Тем не менее, одушевленная искренним желанием сохранить мир на Дальнем Востоке—поскольку то позволили ее неоспоримые права и интересы,—Россия с должным вниманием отнеслась к заявлениям токийского правительства и выразила готовность признать, на основании условий соглашения, преимущественное торгово-экономическое положение Японии на Корейском полуострове, с предоставлением ей права охраны такового военною силою, в случае беспорядков в стране.

«Вместе с тем, однако, строго придерживаясь начала своей политики по отношению к Корее, независимость и территориальная неприкосновенность коей обеспечивались как предшествующими соглашениями с Японией, так и договорами, заключенными другими державами,—Россия не могла не настаивать:

1) На взаимном и безусловном обеспечении этого основного начала; 2) на обязательстве не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегических целей, ибо допущение подобного действия со стороны какой-либо иностранной державы прямо противоречило бы принципу самостоятельности Кореи, и, наконец, 3) на охране полной свободы плавания через Корейский пролив.

«Выработанный в этом смысле проект соглашения не удовлетворил, однако, японское правительство, которое в последних своих предложениях не только уклонилось от принятия условий, являвшихся гарантиею независимости Кореи, но вместе с тем стало настаивать на включении в помянутый проект постановлений, касающихся манчжурского вопроса.

«Таковые притязания Японии, конечно, не могли быть допустимы.

«Вопрос о положении России в Манчжурии касается прежде всего самого Китая, а затем и всех держав, имеющих торговые интересы в Поднебесной империи; посему императорское правительство не видело решительно оснований включать в отдельный договор с Япониею по корейским делам какие-либо постановления, относящиеся к занятой русскими войсками области.

«Императорское правительство, к тому же, не отказывается признавать, на время военной оккупации Манчжурии, как верховную власть богдыхана в этой области, так и преимущества, приобретенные державами, в силу заключенных ими договоров с Китаем, о чем уже было сделано соответствующее заявление иностранным кабинетам.

«В виду сего императорское правительство, поручая представителю в Токио передать свой ответ на последние японские предложения, в праве было рассчитывать, что токийский кабинет примет во внимание значение вышеизложенных соображений и оценит проявленное Россиею желание к мирному соглашению с Японией.

«Между тем, японское правительство, не выждав даже получения этого ответа, решило прекратить переговоры и прервать дипломатические сношения с Россиею.

«Возлагая на Японию всю ответственность за могущие произойти последствия от такового образа действий ее,—императорское правительство будет выжидать развития событий и при первой же необходимости примет самые решительные меры к защите своих прав и интересов на Дальнем Востоке».

Перерыв дипломатических сношений с Япониею истолковывался у нас не как предвестник войны, а как особый прием воздействия, могущий, между прочим, привести к дружественному посредничеству иностранных держав; в подтверждение этого взгляда приводились в газетах исторические примеры, которыми вовсе не имела

в виду руководствоваться японская дипломатия. Наше правительство заявляло, что «будет выжидать развития событий и при первой же необходимости примет самые решительные меры к защите своих прав и интересов на Дальнем Востоке»; а в это самое время совершилось уже вооруженное нападение японцев на русский флот, стоявший у Порт-Артура. В тот же день, 27 января, подписан был Высочайший манифест, в котором сказано:

«В заботах о сохранении дорогого сердцу нашему мира, нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях мы из'явили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россиею.

«Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артура.

«По получении о сем донесения наместника нашего на Дальнем Востоке, мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии.

«Об'являя о таковом решении нашем, мы с непоколебимою верою в помощь всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту отечества, призываем благословение божие на доблестные наши войска армии и флота».

В ответ на обвинения в умышленном затягивании происходивших с Япониею переговоров, в «Правительственном Вестнике» от 7 февраля напечатан подробный официальный отчет о заключительном фазисе русско-японского конфликта:

«В иностранной печати, на основании японских источников, появился отчет о событиях, непосредственно предшествовавших разрыву дипломатических сношений, а затем и открытию военных действий между Россиею и Япониею.

«Как и следовало ожидать, в этом отчете умышленно извращены и подтасованы факты с целью оправдать возмутивший повсюду общественную совесть образ действий токийского правительства, нарушившего самые обычные правила международных сношений.

«Вот истинный ход событий:

«3 (16) января, по получении телеграфного сообщения наместника о последних японских предложениях по проекту соглашения, императорское правительство приступило к тщательному их изучению.

«12 (25) января, на запрос японского посланника в Петербурге, к какому времени можно приблизительно ожидать ответа Русского Правительства, г. Курино был уведомлен, что государю императору благоугодно было назначить для всестороннего обсуждения таковового

ответа, по соответствующем сношении с подлежащими ведомствами и с наместником, особое совещание, которое состоится в четверг, 15 (28) января, и что, по всем вероятиям, высочайшее решение будет принято не ранее 20 января (2 февраля).

«20 января (2 февраля) государю императору благоугодно было высочайше повелеть изготовить, на основании заключения особого совещания, проект окончательных инструкций для российского посланника в Токио.

«21 января (3 февраля), в силу помянутого высочайшего повеления, наместнику на Дальнем Востоке были отправлены три телеграммы, заключавшие полный текст проекта соглашения с Японией, все доводы и соображения, коими императорское правительство руководствовалось при введении некоторых поправок в последние японские предложения, и, наконец, общие указания, коими наместнику поручалось снабдить российского посланника в Токио—для передачи ответа японскому правительству.

«Для выигрыша времени, все означенные телеграммы в тот же день были отправлены непосредственно и барону Розену.

«22 января (4 февраля)—стало быть, за 48 часов до получения от токийского правительства извещения о разрыве сношений—министр иностранных дел в письме к пребывавшему в С.-Петербурге японскому посланнику сообщил о состоявшейся передаче барону Розену ответных предложений России.

«23 января (5 февраля) от наместника было получено извещение о своевременной передаче им в Токио всех телеграмм, заключавших ответные предложения России.

«В субботу, 24 января (6 февраля), в 4 часа дня, японский посланник в С.-Петербурге совершенно неожиданно препроводил министру иностранных дел две ноты, из коих в первой сообщалось о прекращении токийским правительством дальнейших переговоров, под вымышленным, как видно из предыдущего, предлогом, будто Россия уклоняется от ответа на японские предложения; а во второй—о разрыве дипломатических сношений между обоими государствами с извещением о предстоявшем 28 января выезде всего состава японской миссии из С.-Петербурга.

«Обе означенные ноты сопровождались частным письмом японского посланника к министру иностранных дел, коим г. Курино выражал надежду, что перерыв в дипломатических сношениях ограничится возможно кратчайшим сроком.

«Того же 24 января (6 февраля) наместник на Дальнем Востоке, посланники в Токио, Пекине и Сеуле, а равно все российские представители при великих державах, были поставлены в известность срочными телеграммами о разрыве сношений с Японией и о состоявшемся высочайшем повелении барону Розену со всем составом императорской миссии покинуть Токио. В циркулярном сообщении этом также указывалось, что образ действий токийского правительства, не выждавшего даже получения ответа императорского прави-

тельства, возлагает на Японию ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями.

«О получении им циркуляра касательно разрыва сношений с Японией наместник уведомил телеграммою, отправленною в Петербург днем 25 января.

«Хотя перерыв дипломатических сношений вовсе не знаменовал собою открытия военных действий,—японское правительство уже в ночь на 27 и затем в течение 27 и 28 января совершило целый ряд возмутительных нападений на русские военные и коммерческие суда— вопреки общепринятым постановлениям международного права.

«Указ японского императора об об'явлении войны России состоялся лишь 29 января (11 февраля)».

Обнаруженное Япониею пренебрежение к принципам международного права осуждается в циркулярной депеше нашего мини-ва иностранных дел к русским представителям за границею, от 9 февраля 1904г.

«С минуты разрыва, последовавшего между Россией и Япониею, образ действий токийского правительства представляет собою явное попрание общепринятых постановлений, определяющих взаимные отношения между цивилизованными государствами.

«Не входя ныне в рассмотрение вообще всех отдельных нарушений Япониею помянутых постановлений, императорское правительство считает необходимым привлечь самое серьезное внимание держав на насильственные мероприятия, к которым прибегло японское правительство по отношению к Корее.

«Независимость и неприкосновенность Кореи, как вполне самостоятельного государства, была признана всеми державами. Незыблемость этих основных принципов подтверждена статьею первою симоносекского трактата, договором, специально с этой целью заключенным между Англиею и самою Япониею 17-го (30-го) января 1902 года, а также франко-русскою декларациею 3-го (16-го) марта того же 1902 года.

«Предвидя опасность возможного столкновения между Россиею и Япониею, корейский император в самом начале минувшего января обратился циркулярно по телеграфу ко всем державам с заявлением о принятом им решении соблюдать строжайший нейтралитет. Заявление это было сочувственно встречено и принято к сведению большинством держав, в том числе и Россиею. Великобританское правительство, подписавшее совместно с Япониею вышеупомянутый договор 17-го (30-го) января 1902 года, как сообщал российский посланник к Корее, поручило через своего представителя в Сеуле оффициальною нотою передать корейскому императору благодарность за сделанное лондонскому кабинету заявление о сохранении Кореею, в случае разрыва между Япониею и Россиею, строгого нейтралитета.

«Не взирая на все эти обстоятельства, японское правительство, вопреки всем договорам, своим собственным обязательствам и в противность основным законам международного права, как это выяснилось ныне на основании точных, вполне проверенных данных:

«1) Приступило, даже до открытия военных действий против России, к высадке своих войск в пределы независимого Корейского государства, заявившего о соблюдении им нейтралитета.

«2) Совершило отрядом своей эскадры внезапное нападение 26-го января, т.-е. за три дня до об'явления войны, на находившиеся в нейтральном порте Чемульпо два русских военных корабля, командиры коих не могли быть извещены о разрыве сношений с Японией, вследствие злоумышленного перед тем прекращения японцами передачи русских телеграмм по кабелю, принадлежащему датскому обществу, и порчи корейских правительственных телеграфных проводов.

«Подробности возмутительной атаки, коей подверглись вышеозначенные русские суда, заключаются в опубликованной оффициальной телеграмме российского посланника в Сеуле.

«3) Вопреки существующим на сей предмет международным постановлениям и за несколько времени до открытия военных действий, захватило, в качестве военной добычи, русские коммерческие суда, находившиеся в нейтральных корейских портах.

«4) Заявило корейскому императору через японского посланника в Сеуле, что отныне Корея будет находиться под управлением Японии, предупредивши, что, в случае непокорности, японские войска займут дворец.

«5) Обратилось через французского посланника к русскому оффициальному представителю при корейском императоре с предложением о выезде из страны со всем составом миссии и консульств.

«Признавая, что все перечисленные факты составляют вопиющее нарушение общепринятых законов международного права, императорское правительство ныне же считает долгом перед всеми державами заявить о своем протесте против образа действий японского правительства, в полной уверенности, что все государства, которые дорожат началами, обеспечивающими их взаимные отношения, разделят точку зрения России.

«Вместе с тем, императорское правительство находит необходимым заранее предупредить, что, вследствие незаконного захвата Япониею власти в Корее, — оно признает недействительным все те распоряжения и заявления, которые последовали бы от имени корейского правительства.

«Благоволите сообщить об этом правительству, при коем вы аккредитованы».

Наконец, по поводу первых действий нашего тихоокеанского флота, правительство сочло своим долгом предупредить публику, что нельзя рассчитывать на скорые успехи русского оружия, и что необходимо запастись терпением, в виду специальных условий и обстоятельств восточно-азиатской войны:

«Все русское общество с понятным нетерпением желает скорого возмездия и с лихорадочным чувством ждет известий с Дальнего Востока... Но вся обстановка войны заставляет нас терпеливо ожидать известий об успехах нашего оружия, которые могут сказаться не ранее начала решительных действий русской армии».

«Нападение на самую отдаленную часть нашей территории, отстоящую от центра государства на многие тысячи верст, и искреннее желание нашего правительства сохранить мир, что делало невозможным заблаговременную подготовку к войне,—заставляет нас употребить немало времени для того, чтобы начать наносить Японии такие удары, которые соответствовали бы могуществу России и при наименьшем пролитии дорогой русской крови были бы достойным возмездием нации, дерзко вызвавшей нас на бой. Пусть же русское общество терпеливо ожидает грядущих событий, вполне уверенное, что наша армия заставит сторицею заплатить за брошенный нам вызов. Серьезные операции на суше начнутся еще не скоро, и мы не должны и не можем ожидать быстрых известий о наших действиях на театре войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашим врагам было бы недостойно величия и мощи России. Наше отечество выказало в эти дни такое единение и такое желание жертвовать всем своим достоянием на пользу дорогой родины, что, без сомнения, всякое достоверное известие с театра войны будет немедленным достоянием всего русского общества». («Правит. Вестник», от 4-го февраля).

«Вестник Европы». Журнал истории—политики—литературы. 226-й том, 39-й г., т. II, Санкт-Петербург, 1904 г., стр. 345.

---

9. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ.

(Из „Воспоминаний“ С. Ю. Витте).

По возвращении моем в Петербург, как то заехал ко мне Курино, японский посланник, человек умный, и его point d'honneur, как посланика, был, чтобы войны не было. Он любил Россию, насколько японец мог ее любить. Он мне передал, что переговоры ведутся так, что Россия видимо хочет войны. Япония дает ответы немедленно, а Россия через недели или месяцы.

Ламсдорф ссылается на Алексеева. Розен и Алексеев на то, что государь в от'езде.

Если бы в это время Россия не делала приготовления к войне, то Япония могла бы не беспокоиться. Между тем со всех сторон говорят о приготовлениях. Общественное мнение в Японии все более возгорается, и правительству очень трудно его удержать. Япония такая же независимая страна, как и всякая другая, для нее унизительно вести переговоры с каким-то наместником Дальнего Востока, точно Дальний Восток принадлежит России или Россия протектор Дальнего Востока. Я отвечал, что сделать ничего не могу, так как вне власти, и советовал обратиться к графу Ламсдорфу. Курино ответил, что Ламсдорф играет роль передатчика и в этих пределах себя держит.

В конце года государь переехал в Петербург, и в начале января начались придворные балы, как ни в чем не бывало.

На одном из них я встретил японского посла в Петербурге— Курино, который подошел ко мне и сказал, что он считает нужным меня предупредить, чтобы я повлиял на министерство иностранных дел, чтобы оно дало скорее ответ на последнее заявление Японии; что вообще переговоры с Японией ведутся крайне вяло, ибо на заявление Японии, в течение целой недели, не дается ответа, так что, очевидно, все переговоры с Японией об урегулировании Корейского и Манчжурского дела нарочито замедляются, что такое положение дела вывело из терпения Японию, что он, как друг наш, умоляет дать скорее ответ, ибо, если в течение нескольких дней не будет дан ответ, то вспыхнет война.

Этого Курино я знал еще до моего ухода с поста министра финансов; он мне и графу Ламсдорфу в июле месяце 1903 г., за месяц до моего ухода с поста министра финансов, представил проект нашего соглашения между Японией и Россией относительно дальневосточных дел, который, если бы был принят, устранил бы разрешение дальневосточного дела посредством войны.

По моему соглашение это было вполне приемлемо, и я на этом настаивал; но мои настояния ни к чему не привели, и все это соглашение было послано на заключение наместника Алексеева. Там застряло, или вернее говоря, вследствие этого заявления и начались бесконечные переговоры, которые затянулись с июля до января и ничем не кончились.

Такое решительное заявление Курино заставило меня передать его слова графу Ламсдорфу; граф Ламсдорф мне ничего определенного не ответил, а сказал только: «Я в этом отношении ничего не могу сделать, так как переговоры ведутся не мною».

Это было—так в середине января.

В конце концов, во время мы ответа не дали, и 26 января японские суда напали на нашу эскадру около Порт-Артура, и потопили несколько из наших судов, а 27 января последовал манифест о войне.

На другой день был торжественный молебен в Зимнем дворце; молебен этот был довольно печальный в том смысле, что тяготело какое-то мрачное настроение.

Когда его величество вышел из церкви и направился в свои покои, я был недалеко от его величества; когда государь проходил мимо генерала Богдановича, Богданович закричал ура, и это ура было поддержано только несколькими голосами.

Затем, в тот же самый день, я видел его величество проезжающим около моего дома на Каменноостровском проспекте, в коляске с императрицей; государь ехал с визитом к принцессе Альтенбергской. Его величество, проезжая мимо моего дома, обернулся к моим окнам и, видимо, меня увидел,—у него было выражение и осанка весьма победоносные. Очевидно, происшедшему он не придавал никакого значения в смысле, бедственном для России.

Началось ужасное время. Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем, как ближайшее последствие—революция, давно подготовленная полицейско-дворянским режимом или, вернее, полицейско-дворцово-камарильным режимом. Затем, революция перешла в анархию. Что бог сулит нам далее? Во всяком случае, еще много придется нам пережить. Жаль царя. Жаль России. Сердце и душа исстрадались, и покуда нет просвета. Бедный и несчастный государь. Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т.-е. пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и я.

Администрацией был устроен ряд уличных манифестаций, но они не встретили никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает. Уже по одному этому ожидать хороших результатов от войны было невозможно.

Когда Куропаткин покинул пост военного министра и поручение ему командования армией еще не было решено, он упрекал Плеве, что он Плеве—был только один из министров, который эту войну желал и примкнул к банде политических аферистов. Плеве, уходя, сказал ему:

«Алексей Николаевич, вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Вот вам государственный ум и проницательность... Государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя может быть с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги. Что же касается денег, то бояться нечего, так как Япония все вернет посредством контрибуции.

В первое время обыкновенное выражение его в резолюциях было «эти макаки». Затем это название начали употреблять так называемые патриотические газеты, которые в сущности содержались на казенные деньги.

Главнокомандующим армией был назначен Алексеев, наместник на Дальнем Востоке; он мог быть таким же главнокомандующим, как и я: никогда он воином не бывал, дел с сухопутными войсками не имел и сделал свою морскую карьеру более своею дипломатичностью, нежели морскою службою.

Будучи молодым морским офицером, Алексеев совершал путешествия с великим князем Алексеем Александровичем. Когда этот великий князь, будучи молодым, женился на Жуковской, то он был послан императором Александром II, для отрезвления, в кругосветное путешествие. Как говорят, в Марсели молодой великий князь с компанией товарищей моряков отправился ночью в веселое заведение с дамами. В этом заведении великий князь совершил различные буйства и поэтому был привлечен к ответственности. Но вместо него явился молодой офицер Алексеев, который уверил, что это он

совершил буйства и что буйства эти только по ошибке приписали великому князю, потому что фамилия его Алексеев, а французские власти не разобрали и вообразили, что буйства эти учинил великий князь—Алексей.

Затем, Алексеев понес наказание в виде денежного штрафа и все время был в большой дружбе с великим князем, который впоследствии при императоре Александре III сделался генерал-адмиралом.

Таким образом, Алексеев и сделал свою карьеру; по рекомендации же великого князя он был назначен и начальником Квантунской области.

Конечно, генерал-адмирал никогда не мог вообразить, что Алексеев потом сделается наместником Дальнего Востока, а в особенности, главнокомандующим русской громадной действующей армией. Это было такое сказочное явление, которое не могло притти и в голову великому князю Алексею Александровичу.

Я помню, что когда я в 1903 г. приехал в Порт-Артур, то, когда Алексеев сделал смотр войскам, и я, в качестве шефа пограничной стражи, имеющий поэтому военный мундир, пришел на смотр в военном мундире,—я думал, что Алексеев сядет верхом и будет делать смотр верхом, поэтому я сам собрался поехать верхом, так как, проезжая по Восточно-Китайской дороге и осматривая пограничную стражу, я всегда ездил на эти смотры верхом. К моему удивлению, Алексеев не сел верхом. Оказалось, что Алексеев не может ездить верхом и боится лошади.

Мне рассказывали анекдоты относительно Алексеева и его отношения к сухопутным войскам... И вот, вдруг такого человека сделали—шутка ли—главнокомандующим действующей армией, которая в то время состояла из нескольких сот тысяч человек, а потом дошла до миллионного состава.

Под давлением общественного мнения, которое относилось крайне недоверчиво к назначению Алексеева, вскоре, а именно 8 февраля, командующим армией был назначен военный министр Куропаткин.

Это назначение последовало по желанию общественного мнения; общественное мнение единогласно требовало назначения Куропаткина, питая к нему большое доверие. Таким образом, можно сказать, что это назначение было сделано не по инициативе его величества и даже вопреки симпатиям его величества,—исключительно, по единогласному желанию общественного мнения, насколько оно выражалось в газетах.

Самое это назначение все-таки являлось довольно абсурдным; оказывалось: русская армия будет под командою двух лиц—с одной стороны—главнокомандующего, наместника Дальнего Востока Алексеева, а с другой—командующего армией, бывшего военного министра генерал-ад'ютанта Куропаткина. Очевидно, что такая комбинация противоречит самой азбуке военного дела, требующего всегда единоличия начальства, а в особенности во время войны. Поэтому от такого назначения, конечно, кроме сумбура, ничего произойти не могло.

Когда Куропаткин уезжал, то он отправлялся на войну со всевозможною помпою, говорил различные речи, как будто бы он уже возврашался с войны победителем Японии. Конечно, было бы гораздо тактичнее и умнее с его стороны уехать на войну спокойно и возвращаться с помпою с войны уже будучи победителем. К сожалению, вышло совершенно обратное.

Вечер перед своим выездом он провел у меня и вот какой у меня с ним был разговор.

Он говорил, что я, как лицо очень близко знающее Дальний Восток и положение дела, как в Китае, так и в Японии, может быть, ему бы дал совет относительно общего плана ведения войны. Я просил Куропаткина изложить свой взгляд, он мне сказал, что так как мы к ведению войны не подготовлены, потребуется много месяцев для того, чтобы усилить нашу действующую армию, то он полагает вести войну по следующему плану: покуда не соберется армия в должном составе, с действующими нашими на Дальнем Востоке силами постоянно отступать к Харбину, замедляя лишь наступление японской армии. Порт-Артур предоставить своей участи, при чем, по его соображению, Порт-Артур должен был держаться много месяцев. В это время собирать армию недалеко от Харбина и, когда наша отступающая армия дойдет до этого места, то лишь после этого начать наступление на японские силы, и эти силы разгромить.

Я с своей стороны сказал ему, что его план действия разделяю, что, по моему мнению, другого плана быть не может, так как мы к войне не приготовлены, а Япония к ней приготовлена. Театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших как военных, так и материальных сил.

Когда мы обменялись мыслями, то Куропаткин встал с кресла, на котором он сидел, чтобы со мною проститься, и обратился ко мне с такою речью: «Сергей Юльевич, вы человек такого громадного ума, таких громадных талантов, наверное, вы на прощанье могли бы дать мне хороший совет, что мне делать». Я ему сказал: «Я бы мог вам дать хороший совет, но только вы его не послушаете». Он с жадностью накинулся на меня, прося сказать, в чем заключается мой совет. Я его спросил: «вы с кем едете на Дальний Восток»; он сказал, что с несколькими ад'ютантами и лицами, которые составят на месте его штаб, и на мой вопрос: лица эти таковы, что можно им вполне доверять, он ответил: «конечно». Тогда я ему сказал: «теперь главнокомандующий адмирал Алексеев находится в Мукдене; вы, конечно, поедете прямо в Мукден, и вот, что я бы на месте вас сделал: приехавши в Мукден, я бы послал состоящих при мне офицеров к главнокомандующему, приказав этим офицерам арестовать главнокомандующего. В виду того престижа, который вы имеете в войсках, на такой ваш поступок не будут реагировать. Затем я бы посадил Алексеева в тот поезд, в котором вы приехали, и отправил бы его под арестом в Петербург и одновременно бы телеграфировал государю императору следующее: ваше величество,

для успешного исполнения того громадного дела, которое вы на меня наложили, я счел необходимым, приехавши в действующую армию, прежде всего арестовать главнокомандующего и отправить его в Петербург, так как без этого условия успешное ведение войны немыслимо; прошу ваше величество за мой такой дерзкий поступок приказать меня расстрелять, или же в видах пользы родины, меня простить».

Тогда Куропаткин засмеялся, начал махать руками и сказал мне: «вот, Сергей Юльевич, вы всегда шутите»; на что я ему ответил: «я, Алексей Николаевич, не шучу, ибо я убежден в том, что в том двоевластии, которое обнаружится со дня вашего приезда, заключается залог всех наших военных неуспехов».

Куропаткин ушел, сказав: «а вы правы».

На другой день он уехал, провожаемый, как победитель японцев. Таких проводов нигде и никогда не устраивали полководцам, «идущим на рать».

Приехавши в действующую армию, Куропаткин не только не обосновался в Мукдене, а еще было бы правильнее севернее его, не только не начал проводить в исполнение разумный план, им мне высказанный, но сразу начал проводить двойственный план; смесь своего с планом, или вернее, мыслями Алексеева, ибо у последнего никакого плана не могло быть, да и мыслей своих не было, а было то, что казалось ему, что будет приятно государю, а ведь тогда еще сохранились все остатки сумасбродных мыслей Безобразова и К-°, и государь не мог отойти от того, что ему сими дельцами было внушено. Японцы это «макаки», мы их уничтожим.

Так как главная квартира главнокомандующего была в Мукдене, а Куропаткин не без основания не желал иметь свою главную квартиру там, где был Алексеев, то он обосновался значительно южнее Мукдена. Затем главнокомандующий Алексеев совсем не разделял системы пассивного отступления, а напротив проводил систему активного наступления, в особенности, для выручки Порт-Артура.

Командующий войсками Куропаткин не без основания считал Алексеева полным ничтожеством, гражданским моряком, а главное карьеристом. Главнокомандующий же Алексеев ненавидел Куропаткина и желал ему в душе всяких неудач. Первый телеграфировал в Петербург одно, второй—другое, но первый все-таки не хотел разрыва со вторым, а почему шел на полумеры, а второй покрывался высочайшими повелениями, иногда сам их внушая.

Мне Куропаткин после войны говорил, что у него есть телеграммы из Петербурга, которые могли бы представить в истинном свете неудачи первой части кампании. Вероятно, когда-нибудь они появятся в свет.

Государь также желал в душе наступлений, но, по обыкновению, двоился: сегодня—направо, завтра—налево, а главное желал, как всегда, обоих провести. Проводил же он всегда больше всего самого себя. Я не знаю подробностей первой части кампании, покуда Алексеев не был вызван в Петербург и Куропаткин не был на-

значен главнокомандующим, но могу безошибочно утверждать, что первая часть кампании разыгралась бы совершенно иначе; если бы не было этой двойственности, она была бы более для нас благоприятной. А неудача вначале несомненно имела влияние на вторую часть действий.

Затем Куропаткин мне говорил также в оправдание свое, что ему назначили бездарных генералов помимо его воли и вмешивались все время из Петербурга. На эти сетования я ему ответил, что во всем он сам виноват, так как не исполнил моего совета, данного ему, когда он уезжал в армию. Если бы он сумел себя сразу поставить так, чтобы никто не вмешивался и его слушались, то ему не пришлось бы ссылаться на других. Если же это ему было невозможно, что я совершенно понимаю, зная характер государя, то ему следовало уйти.

Насколько в то время оптимистически смотрели на войну с Японией, между прочим может служить доказательством следующее: когда война была об'явлена 27 января 1904 г., то бывший военный министр Ванновский совещался с Куропаткиным относительно шансов этой войны, при чем они разошлись в своих мнениях по следующим вопросам: Куропаткин считал, что нам нужно выставить на театр военных действий на полтора солдата японских—одного русского, а Ванновский находил, что совершенво достаточно на двух солдат японских выставить одного нашего солдата. Вот как бывший в то время военный министр и его предшественник оценили сравнительное достоинство японской армии и нашей.

Когда началась война, то его величество весь 1904 год все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так в начале мая государь с этой целью ездил в Белгород, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города. В сентябре в Одессу, Ромны и другие места на западе. В сентябре ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов. Затем в октябре в Сувалки, Витебск и другие города. Наконец, в декабре в Бирзулу, Жмеринку и другие южные города.

Все эти поездки имели целью напутствования войск и новобранцев, следовавших на Дальний Восток, при чем его величество и ее величество раздавали войскам образа и, между прочим, образ Серафима Саровского.

А так как в течение всего этого года, так и 1905 г. мы все время на театре военных действий терпели поражения самые жестокие, то это и дало повод генералу Драгомирову сказать злую шутку, которая затем распространилась по России. Он сказал: вот мы японцев все хотим бить образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами, мы их образами, а они нас пулями.

В главных чертах в 1904 г. война протекла в следующих событиях: 31 марта погиб наш броненосец Петропавловск с адмиралом Макаровым и частью команды. Так как адмирал Макаров был начальником нашего дальневосточного флота, то с гибелью броне-

носца Петропавловска, после других уронов в наших судах, наш дальневосточный флот можно было признать обреченным на полное бездействие.

17 и 18 апреля мы проиграли Тюренченский бой. 28 апреля японцы высадились в Бидзиво, что было началом гибели Порт-Артура. 28 мая произошел морской бой у Порт-Артура, где мы опять потеряли несколько наших судов. 17—23 августа мы проиграли большой бой при Ляойяне и начали отступление к Мукдену.

Когда мы отступали к Мукдену, то Куропаткин в приказах по армии об'явил, что уже далее он не отступит ни на один шаг. 22 декабря пал Порт-Артур, а затем дальнейший наш разгром уже происходил в 1905 г., при чем мы потеряли громадное сражение в Мукдене и должны были отступить по направлению к Харбину.

С. Ю. Витте—Воспоминания. Царствование Николая II. Том I, 1923 г., стр. 237.

10. ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА.

«Порт-Артур капитулировал».

«Это событие — одно из величайших событий современной истории. Эти три слова, переданные вчера по телеграфу во все концы цивилизованного мира, производят подавляющее впечатление, впечатление громадной и страшной катастрофы, несчастья, которое трудно передать словами. Рушится моральная сила могучей империи, тускнеет престиж молодой расы, не успевшей еще как следует развернуться. Выносится приговор целой политической системе, обрывается длинный ряд притязаний, сламываются могучие усилия. Конечно, падение Порт-Артура давно уже предвидели, давно уже отделывались словами и утешали себя готовыми фразами. Но осязательный, грубый факт разбивает всю условную ложь. Теперь значение происшедшего краха нельзя ослаблять. Впервые старый мир унижен непоправимым поражением, которое нанесено ему новым миром столь таинственным и, повидимому, отрочески-юным, вчера только призванным к цивилизации».

Так писала под непосредственным впечатлением события одна солидная европейская буржуазная газета. И, надо сознаться, ей удалось не только рельефно выразить настроение всей европейской буржуазии. Устами этой газеты говорит верный классовый инстинкт буржуазии старого мира, обеспокоенный успехами нового буржуазного мира, встревоженный крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции. Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой евро-

пейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок» царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорения истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западно - европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры.

Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный под'ем европейского пролетариата.

Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционой Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и об'единилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт - Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот маленькая, всеми до тех пор презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того, как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море,—главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, в начале бывший не менее, если не более сильным, чем японский, уничтожен окончательно. Отнята самая база для операций флота, и эскадре Рожественского остается только позорно вернуться вспять после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками. Считают, что одна материальная потеря России на одном только флоте составляет сумму в триста миллионов рублей. Но еще важнее потеря десятка тысяч лучшего флотского экипажа, потеря целой сухопутной армии. Многие европейские

газеты стараются теперь ослабить значение этих потерь, усердствуя при этом до смешного, договариваясь до того, что Куропаткин «облегчен», «освобожден» от забот о Порт-Артуре! Русское войско освобождено также от целой армии. Число пленных достигает, по последним английским данным 48.000 человек, а сколько тысяч еще погибло в битвах под Кинчау и под самой крепостью! Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию, освобождают для борьбы с Куропаткиным закаленную армию в 80—100 тысяч человек, и притом с громадной тяжелой артиллерией, доставка которой на реку Шахо даст им подавляющий перевес над главными русскими силами.

Самодержавное правительство, по известиям заграничных газет решило продолжать войну во что бы то ни стало и послать 200 тыс. войска Куропаткину. Очень может быть, что война протянется еще долго, но ее безнадежность уже очевидна, и все-таки будут только обострять те неисчислимые бедствия, которые несет русский народ за то, что терпит еще у себя на шее самодержавие. Японцы и до сих пор скорее и обильнее подкрепляли свои военные силы после каждого большого сражения, чем русские. А теперь, добившись полного господства на море и полного уничтожения одной из русских армий, они сумеют послать вдвое больше подкреплений, чем русские. Японцы до сих пор били и били русских генералов, не смотря на то, что вся масса лучшей артиллерии была у них занята в крепостной войне. Японцы добились теперь полного сосредоточения своих сил, а русским приходится опасаться не только за Сахалин, но и за Владивосток. Японцы заняли лучшую и наиболее населенную часть Манчжурии, где они могут содержать армию на средства завоеванной страны и при помощи Китая. А русским приходится все более ограничиваться припасами, привозимыми из России, и дальнейшее увеличение армии скоро станет для Куропаткина невозможным в силу невозможности подвоза достаточного количества припасов.

Но военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами,—даже Куропаткин, по свидетельству Немировича-Данченко, начал понимать теперь, что эта истина годится не для одних только прописей. Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству. Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей, со стороны русской социалдемократии, со стороны русского пролетариата подтверждена теперь критикой японского оружия, подтверждена так, что невозможность жить при самодержавии чувствуется все более даже теми, кто не знает, что значит самодержавие, даже теми, кто знает и всей

душой хотел бы отстоять самодержавие. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма.

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп!— рассуждал каждый маленький и большой Алексеев, не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times»), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела,—того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный,—вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда негодными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому

началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустрашимого спутника всякого классового господства вообще, не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас, в России, нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционной. Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией. Не могла не проявить путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем «поправляться», когда Жорес наглядно показал, чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая кампания в пользу мира вообще. Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!!?) на победе японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой, или поражением самодержавия.

Нет. Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире à la Жорэс не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необ'ятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплоатации. Но, борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным

строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отметить великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необ'ятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетаритата за свободу. Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской.

«Прочно укоренилось мнение,—пишет один из таких трезвенных органов немецкой буржуазии,—что взрыв революции в России—вещь совершенно невозможная. Защищают это мнение всеми и всяческими доводами. Ссылаются на неподвижность русского крестьянства, на его веру в царя, зависимость от духовенства. Говорят, что крайние элементы среди недовольных представлены лишь маленькой горсткой людей, которые могут устроить путши (мелкие вспышки) и террористические покушения, но никак не вызвать общее восстание. Широкой массе недовольных, говорят нам, не хватает организации, оружия, а главное—решимости рисковать собой. Русский же интеллигент настроен обыкновенно революционно лишь до тридцати, примерно, лет, а затем он прекрасно устраивается в уютном гнездышке казенного местечка, и большая часть горячих голов проделывают превращение в дюжинного чиновника». Но теперь, продолжает газета, целый ряд признаков свидетельствует о крупной перемене. О революции в России говорят уже не одни революционеры, а такие совершенно чуждые «увлечений» солидные столпы порядка, как князь Трубецкой, письмо которого к министру внутренних дел перепечатывается теперь всей заграничной печатью. «Боязнь революции в России имеет, видимо, фактические основания. Правда, никто не думает, что русские крестьяне возьмутся за вилы и пойдут бороться за конституцию. Но разве революции делаются в деревнях? Носителями революционного движения в новейшей истории давно стали крупные города. А в России именно в городах идет брожение с юга до севера и с востока до запада. Никто не возьмется предсказать, чем это кончится, но что число людей, считающих революцию в России невозможной, убывает с каждым днем,—это факт несомненный. А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат.

«Вперед»—№ 2. Женева,
14 (1) января 1905 г.

11. ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ М. Н. ЛЯДОВА К КНИГЕ „ТРЕТИЙ ОЧЕРЕДНОЙ С'ЕЗД Р. С.-Д. Р. П. 1905 ГОДА"

Уже с февраля 1904 года началась кампания большевистских комитетов за созыв экстренного С'езда, который должен был покончить с тем положением вещей, которое создалось благодаря захвату ничтожным меньшинством Партии, опирающимся на заграничную эмигрантскую интеллигенцию, центральных органов. Начатая местными комитетами борьба за С'езд встретила отчаянное сопротивление со стороны новой «Искры», Совета Партии и примиренческого ЦК. Меньшевистские руководители ни на минуту не сомневались, что С'езд Партии громадным большинством выскажется против них, закрепит позицию большевиков. И именно поэтому они решили не допускать С'езда. Целый год тянется борьба за С'езд. В этой борьбе все более и более выясняются коренные разногласия между большевиками и меньшевиками. А с другой стороны—выясняется, что борьба эта не приведет к желательным результатам, если большевики не создадут и не оформят своего идейного и организационного центра.

Первым шагом в этом направлении была конференция 22 большевиков в августе 1904 года в Женеве. Ее созвал Владимир Ильич. На ней участвовали в большинстве товарищи, недавно приехавшие с местной работы из России. На этой конференции выработана была резолюция, которая была отпечатана в типографии Рижского комитета. В этой резолюции четко указывается на необходимость для с.-д. партии организовать решительную, последнюю борьбу с самодержавием. Далее говорится о том, что эта задача невыполнима благодаря отсутствию партийной сплоченности, дисциплины, неспособности «к стройному об'единенному действию». Выполнимой станет эта задача лишь при полном торжестве партийности над кружковщиной. Главные кадры меньшевиков—по существу своему, индивидуалистически настроенные интеллигенты, органически не приемлющие партийной дисциплины. Наоборот, бурно развивающиеся пролетарские, местные организации стремятся к дисциплинированному единству работы. В связи со С'ездом «для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она, как идейная

и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного, рабочего движения нашей страны».

С этого воззвания 22 фактически можно считать начало организации большевистской Партии. Воззвание это, принятое и отпечатанное Рижским комитетом, обсуждалось на 3 конференциях России: Северной, Южной и Кавказской. В общих основах эта резолюция была принята на этих конференциях. Она стала платформой всей большевистской фракции. На этих же конференциях был выбран центр фракции—«Бюро Комитетов Большинства», которому местные организации доверили, как работу по созыву С'езда, так и фактическое руководство своей работой до С'езда. Бюро Комитетов Большинства выделяет редакцию своей газеты «Вперед». Конечно, душой и «Бюро Комитетов Большинства» и редакции «Вперед» становится Ильич.

Третий Очередной С'езд Р. С.-Д. Р. П. 1905 года. Госиздат, Москва 1924, стр. 9.

---

12. К ПАРТИИ.

(Обращение 1904 г. 22 членов Р. С. Д.-Р. П. (большевиков).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К ПАРТИИ[1].

Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р. С.-Д. Р. П.— единомышленников, стоящих на точке зрения большинства 2-го партийного с'езда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием.

Товарищи! Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем-исторический момент пред'являет к Партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный

---

[1] Сборник. «К партии». Женева. Кооперативная типография. Rue Caroline, 49. 1904 г.

конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демократии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша Партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь. Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет!

Единство Партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность Партии к стройному об'единенному действию превращается в мечту.

И все же мы считаем эту болезнь Партии болезнью роста. Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы —в конфликте кружковщины и партийности. И потому, только покончивши с этой болезнью, наша Партия может стать действительно Партией.

Под именем «меньшинства» в Партии сплотились разнородные элементы, связанные сознательным или бессознательным стремлением удержать кружковые отношения, допартийные формы организации.

Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковой период действительно могли зачастую совпадать с ними,—целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного Комитета, члены прежней группы Южный Рабочий и др.).

Их союзниками оказались все те элементы, которые в теории или практике отклонялись от принципов строгого социал-демократизма, ибо только кружковщина могла сохранить идейную индивидуальность и влияние этих элементов, партийность же угрожала растворить их или лишить всякого влияния (экономисты, рабочедельцы и др.). Наконец, главными кадрами оппозиции послужили вообще все элементы нашей Партии, которые являлись по преимуществу интеллигентскими. По сравнению с пролетариатом, интеллигенция всегда более индивидуалистична уже в силу основных условий своей жизни и работы, не дающих ей непосредственно широкого об'единения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде. Поэтому интеллигентским элементам труднее приспособиться к дисциплине партийной жизни, и те из них, которые не в силах справиться с этой задачей, естественно поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою стихийную анархичность возводят в принцип борьбы, неправильно обозначая эту анархичность, как стремление к «автономии», как требование «терпимости» и т. п.

Заграничная часть Партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция—эта часть Партии должна была оказаться наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы,— Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций. Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций.

Борьба развивалась и обострялась. И до чего она дошла!

Партийный орган, который «меньшинству», вопреки воле с‘езда и благодаря личным уступкам выбранных с‘ездом редакторов, удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против Партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем Партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше—руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов Партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно прикрыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла Партии— прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые Партией теории, возвращая идейную жизнь Партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний. С другой стороны, новая «Искра», стремясь подорвать нравственное влияние партийного большинства, еще более усиленно занята отыскиванием и обличением ошибок его работников, раздувая всякий действительный промах до чудовищных размеров и стараясь сваливать ответственность за него на все большинство Партии, подхватывая всякую кружковую сплетню, всякую инсинуацию, которая может повредить противникам, не заботясь не только о проверке, но зачастую и о правдоподобности. На этом пути деятели новой «Искры» дошли до приписывания членам большинства не только совершенно небывалых, но даже и невозможных преступлений, и не только в политическом отношении (например, обвинение Ц. К. в насильственном раскассировании лиц и организаций), но и в общеморальном (обвинение видных деятелей Партии в подлоге и в нравственном пособничестве подлогу). Никогда еще Партии не приходилось купаться в таком море грязи, какое создано заграничным меньшинством в нынешней полемике.

Каким образом могло все это случиться?

Образ действий каждой стороны соответствовал основному характеру ее тенденций. Большинство Партии, стремясь во что бы то ни стало сохранить ее единство и организационную связь, боролось лишь партийно-лояльными средствами и не раз ради примирения шло на уступки. Меньшинство, проводя анархическую тенденцию, не заботилось о партийном мире и единстве. Оно каждую уступку делало орудием дальнейшей борьбы. Из всех требований меньшинства не удовлетворено до сих пор только одно внесение розни в Ц. К. Партии путем коoптации насильственно навязанных ему членов меньшинства,—и нападения меньшинства стали ожесточеннее, чем когда-либо. Завладевши Ц. О. и Советом Партии, меньшинство не стесняется теперь эксплоатировать в своих кружковых интересах ту самую дисциплину, против которой по существу оно борется.

Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дольше—прямо преступно.

Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положени Партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков Партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного с'езда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу.—Без него можно ожидать только прогрессивного разложения Партии.

Все возражения, выставляемые против созыва с'езда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: с'езд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее итти на раскол, чем подчиниться Партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно,—скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной Партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут. Указывают на возможность примирения без с'езда. Но какое примирение? Окончательная капитуляция перед кружковщиной, коoптация меньшинства в ЦК и следовательно полное завершение дезорганизации центральных учреждений. Тогда Партия стала бы только словом, партийное большинство вынуждено было бы начать новую борьбу. А меньшинство? До сих пор каждая завоеванная уступка была для него только опорой к дезорганизаторской работе; даже с его точки зрения борьба далеко переросла рамки коoптационной дрязги; как же может оно прекратить борьбу? И тем более не пре-

кратит оно ее, не получивши всех уступок. Нам говорят: с‘езд не может достигнуть цели, потому что до сих пор не выяснены разногласия. Да разве дело идет теперь к их выяснению, разве путаница не растет все более? Разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются, и только с‘езд может положить конец этому. Только он, поставив борющиеся стороны лицом к лицу, заставив их определенно и открыто выразить свои стремления, только он в силах внести полную ясность во взаимные отношения партийных течений и партийных сил. Но с‘езд может быть подделан путем раскассирования организаций,—заявляет меньшинство. Это—лживая инсинуация,—отвечаем мы,—инсинуация, в пользу которой не приведено ни одного факта. Если бы факты были, меньшинство, располагая партийным органом, конечно, уже сумело бы придать им широкую огласку и, держа в руках Совет Партии, оно имело бы полную возможность их исправить. Наконец, недавняя резолюция Совета, не указывая таких фактов в прошлом, окончательно гарантирует невозможность их в будущем. Кто поверит теперь неправдоподобной инсинуации? Выражают опасения, что с‘езд отвлечет слишком много сил и средств от положительной работы. Горькая насмешка! Разве мыслимо большее отвлечение сил и средств, чем то, которое причиняет смута? С‘езд необходим! Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни в виду исключительности исторического момента, в виду возможности новых задач, поставленных Партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил Партии, для поддержания ее чести и достоинства...

---

13. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГАЗЕТЫ „ВПЕРЕД“.

Неопубликованное письмо Ленина.

Публикуемое нами, найденное в архивных делах б. охранки письмо Ленина относится к концу 1904 г. То было время, когда фракционная борьба внутри партии, начавшаяся на 2-м с‘езде, успела уже с достаточной ясностью выявить принципиальную позицию расколовшихся элементов партии—«меньшинства» и «большинства». Уже летом того же 1904 г. появляется декларация 22, призывающая сплотиться вокруг лозунга за созыв партийного с‘езда. С тех пор лозунг—«борьбы за с‘езд»—стал собирать около себя партийные комитеты на местах. Руководящие же учреждения партии—Совет и центральный орган, новая «Искра»,—оказавшиеся в распоряжении «меньшинства», повели кампанию против с‘езда. К борьбе против с‘езда присоединился и примиренчески настроенный ЦК. В ноябре того же года на 3 конференциях — Южной, Кавказской и Северной,—в общей сложности представлявших 13 местных орга-

низаций, приняты были основные положения декларации 22 и выбрано Бюро комитетов большинства, к которому, таким образом, «революционным путем» и перешла инициатива по созыву с‘езда.

Одновременно с борьбой за с‘езд большевики-заграничники предприняли шаги к изданию печатного органа. После того, как перебежавший к «меньшинству» ЦК повел кампанию и против литературы «большинства»—борьба с «меньшинством», разоблачение его оппортунистической сущности и, наконец, самая борьба за созыв с‘езда,—все это властно требовало печатного органа. 22 декабря (ст. ст.) 1904 года вышел первый номер этой газеты, названной «Вперед» [1].

Печатаемое письмо Ленина послужит ценнейшим документом по изучению описываемой стадии раскола.

Орган «большинства» «Вперед» естественно становится центром внимания со стороны не только заграничной группы «большинства», но и всех примыкающих к нему партийных комитетов в России. Какова же должна быть эта газета? Каким вообще должен быть партийный орган? Кто должен сотрудничать в партийной газете, о чем нужно писать, как использовать информационный материал? Ответы на все эти вопросы дает Ленин в своем письме, которое и в этом специальном вопросе—о постановке партийной газеты и общении ее с широкими массами—и по сей день сохранило все свое значение.

Письмо, как видно, законспирированное, перехвачено было полицией. Копия письма («химический текст») прислана была департаментом полиции в Московскую охранку. Письмо, как говорится в сообщении департ. полиции, было послано из Парижа со следующим адресом: «С. Т. Дунович, Москва, Тверская, д. Найденова, № 17, Зубоврачебный кабинет, кв. 6» [2].

И. Волковичер.

Для Бориса [3], письмо Ленина от 12 декабря [4]. Д. Т. [5]. Сегодня на собрании тесного кружка заграничных большевиков окончательно решен вопрос, давно уже решенный в принципе, об основании периодич. парт. органа, посвященного отстаиванию и развитию принципов большинства в борьбе с смутой организационной и практической, внесенной в партию меньшинством, и обслуживанию положения работы русских организаций, против которых ведется теперь едва ли не везде по России такая ожесточенная борьба со стороны агентов меньшинства, борьба, страшно дезорганизующая партию

---

[1] Пролетарская Революция, ист. журн. Истпарта № 4 (16), 1923 г. Гос. Изд. Москва—Петроград, стр. 185.

[2] Моск. Ист.-рев. архив. Дело Моск. охр. отд. 1905 г. № 24, л. л. 118, 119, 133 и 134.

[3] Носков (Глебов). Умер в Хабаровске 2/V 1913 г. И. В.

[4] 1904 г. И. В.

[5] Дорогой товарищ. И. В.

в столь важный исторический момент, борьба, целиком ведущаяся самыми беззастенчивыми средствами и приемами раскола, при лицемерном оплакивании раскола, т. н. Ц. О. партии [1]. Мы сделали все возможное, чтобы провести борьбу партийным путем, мы с января месяца боремся за с'езд, как единственный достойный партии выход из невозможного положения. Теперь яснее ясного уже стало, что почти вся деятельность перебежавшего к меньшинству Ц. К. посвящена отчаянной борьбе против с'езда, Совет идет на все, самые невозможные и непозволительные проделки для оттягивания с'езда. Совет прямо срывал с'езд: кто не убедился еще в этом из писем его последних постановлений в прилож. к № 7—73 [2] «Искры», тот увидит это из нашей брошюры Орловского [3] «Совет против партии» [4]. Теперь яснее ясного стало, что без об'единения и отпора нашим т. н. центральн. учрежд. Общество [5] не может отстоять своей партии, отстоять партийность в ее борьбе с кружковщиной. Об'единение русских больш. уже давно поставлено ими на очередь дня: припомните поданную печатно Моск. Ком. (октябрь 1904) прокламацию 19-ти. Наконец, почти всем комитетам партии известно, что в самое последнее время произошло [6] и отчасти еще происходит ряд частичных конференций между комитетами большинства, делаются энергичные и определенные попытки крепкого сплочения между собою ком. большинства для отпора зарвавшимся бонапартистам в Совете, Ц. О. и Ц. К. Мы надеемся, что в очень недалеком будущем эти шаги будут оглашены во всеобщее сведение, когда результаты их позволят высказаться определенно о том, что уже достигнуто. Без особого издательства самозащита большинства была, разумеется, совершенно невозможна. Но вот Ц. К., как вы, может быть, уже знаете из нашей литературы, прямо изгнал наши брошюры из парт. типографии и отверг прямые предложения и заграничн. большинства, и русских комитетов (напр., Рижского), о доставке в Россию литературы большинства. Подделка общественного мнения партии вырисовалась вполне определенно, как систематическая тактика нового Ц. К. Необходимость расширить свое издательство, организовать свой транспорт надвинулась на нас неизбежно. Комитеты, порвавшие с редакцией Ц. К. [7] товарищеские отношения, не могли и не могут обходиться без периодического органа. Партия без органа, орган без партии.—Этот печальный факт, отмеченный еще в августе большинством [8], неумолимо вел к единственному выходу, к основа-

[1] Т. е. новой «Искрой». И. В.

[2] Перепутано; очевидно, речь идет о прилож. к №№ 73, 74 и 77 «Искры» под заголовком «Вопросы партийной жизни». И. В.

[3] В. В. Воровский, убитый рукой белогвардейца 10/V с. г. в Лозанне. И. В.

[4] Брошюра вышла 5 ноября 1904 г. И. В.

[5] Повидимому, это слово ошибочно поставлено вместо слова большинство. И. В.

[6] Повидимому, декларация 22 И. В..

[7] Помидимому, не Ц. К., а Ц. О. И. В.

[8] См. ст. Галерки (М. Ольминского) в сборн. «Наши недоразумения». Женева. 1904 г. И. В.

нию своего органа. Молодые литературные силы, прибывавшие за границу для поддержки кровного дела большинства русских работников, требуют себе приложения; ряд русских партийных литераторов тоже настоятельно требует органа. Основывая такой орган (под названием «Вперед»), мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии со всем нашим поведением в партийной борьбе. Мы взялись за это оружие, испытав в течение года все, решительно все более простые, более экономные для партии, более соответствующие интересам рабочего движения пути. Мы отнюдь не покидаем борьбы за с‘езд, а, напротив, хотим расширить, обобщить и поддержать эту борьбу, хотим помочь комитетам решить встающий перед ними новый вопрос о с‘езде, помимо Совета и Ц. К., против воли Совета и Ц. К.—вопрос, требующий всестороннего серьезного обсуждения. Мы выступаем открыто во имя воззрений и задач, давно уже, в ряде брошюр, изложенных перед партией. Мы боремся и будем бороться за выдержанное революционное направление против смут и шатаний в вопросах и организационных и тактических, Об‘явление о выходе нового органа уже вышло [1], первый номер выйдет с 6—10 января н. ст. В редакционной коллегии примут участие все выдвинувшиеся до сих пор литераторы большинства (Рядовой [2], Галерка, Ленин, Орловский). Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения, агентуры и пр. и пр. составится (отчасти составилась уже) на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов.

Мы обращаемся теперь ко всем товарищам-большевикам с просьбой о всяческой поддержке. Мы будем вести орган лишь при условии, чтоб он был органом русского движения, а никоим образом не заграничного кружка. Для этого необходима прежде всего и больше всего самая энергичная «литературная» поддержка, вернее, литературное участие из России; я подчеркиваю и ставлю в ковычки слово «литературная», чтобы отметить сразу особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто бы именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным лишь тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов придется пятьсот и пять тысяч работников нелитераторов. Один из недостатков старой «Искры», от которого я всегда старался ее избавить (и который вырос до чудовищных размеров в новой «Искре»), — это слабая работа над ней из России. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все, присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать $^{1}/_{10}$ присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам. Необходимо, чтобы с нами переписывалось как можно

---

[1] Об‘явление об издании газ. «Вперед.» См. ниже стр. 52—55. И. В.

[2] А. Богданов. И. В.

большее число партийных работников, именно, «переписывалось» в обычном значении, в нелитературном значении слова. Отчужденность от России, захватывающая [1] атмосфера проклятого заграничного болота до того давят здесь, что единственное спасение—живое общение с Россией. Пусть не забывают этого те, кто не на словах только, а на деле хочет сделать наш орган органом всего большинства, органом массы русских работников. Пусть всякий, кто считает этот орган своим и кто сознает обязанности соц.-демокр. члена партии, откажется раз-на-всегда от буржуазной привычки думать и действовать так, как это принято по отношению к либеральным газетам: дескать, их дело написать, а наше прочитать. Над социал-демократической газетой должны работать все студенты [2]. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире рабочим возможность писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе, — без этого материала грош будет цена с.-д. органу и не будет он заслуживать названия соц.-демократическ. Мы просим писать кроме того для переписки, заведомо не корреспонденции, т. е. не для печати, а для товарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, о событиях, но и настроениях, а главное о будничной, «неинтересной», обычной, рутинной стороне движения. Не побывав за границей, вы представить себе не можете, до какой степени нужны нам такие письма (а конспиративного, ведь, в них нет ровно ничего, и написать раз в неделю, два раза в неделю такое нешифрованное письмо, право же, вполне возможно для самого занятого человека).

Пишите нам о беседах на рабочих кружках, о характере этих бесед, о темах занятий, о вопросах и запросах рабочих, о постановке пропаганды и агитации, о связях в обществе, войске, молодежи. Пишите больше всего о недовольстве (нами, с.-д-ами) среди рабочих, их недоумениях, запросах, протестах и т. д. Вопросы практической постановки дела, особенно теперь, интересны, и нет другого средства ознакомить редакцию с этими вопросами, кроме оживленной переписки, не корреспондентского, а просто товарищеского свойства. Конечно, не у всякого есть охота и уменье писать, но «не говори не могу, а говори не хочу». Всегда, если захотеть, в любом кружке, в каждой даже мельчайшей, даже второстепеннейшей группе (второстепенные зачастую особенно интересны, ибо они иногда делают наиболее важную, хотя и невидную часть дела) можно найти 1—2 товарищей, которые смогли бы писать. Здесь мы поставили секретарство сразу на широких началах (пользуясь опытом ст. И. [3])., а вас просим иметь в виду, что каждый, без исключения каждый, кто с терпением и энергией возьмется за дело, добьется без труда,

---

[1] Повидимому, должно быть слово затхлая. И. В.

[2] Вместо этого слова, надо полагать, в подлиннике имелось слово социал-демократы, которое в преломлении тупого воображения охранника, восстанавливавшего законспирированный текст письма, и превратилось в «студенты». И. В.

[1] Старой «Искры». И. В.

что все его письма (или 9/10) доходят. Говорю это на основании трехлетнего опыта ст. И., имевшей не одного такого корреспондента-друга (зачастую незнакомого ни с кем из редакции), ведшего аккуратнейшую переписку. Полиция давно уже абсолютно не в состоянии перехватывать заграничные письма (лишь случайно берут, или при экстраординарной небрежности отправителя), и гигантская доля материала ст. И. всегда проходила обыкновеннейшим путем в обычных письмах по нашим адресам. Особенно предостеречь хотели бы наших друзей от приема концентрации переписки только в комитете и только из [1] секретарск.: нет ничего вреднее такой монополии. Насколько обязательно единство в действии, в решении, настолько нелепо оно в общем информировании, в переписке. Очень и очень часто бывает, что особенно интересны письма сравнительно «сторонних» (отдаленных от комитета) людей, более свежо воспринимающих многое такое, что слишком привычно и опускается [2] из виду опытным, старым работником. Давайте побольше возможности писать к нам молодым работникам, и молодежи, и работникам, и «централистам», и организаторам, и простым рядовым членам «летучек» и «массовок». Только тогда и только при условии такой широкой переписки можем мы все сообща сделать нашу газету действительным органом **рабочего движения в России**. Усердно просим прочесть это письмо во всех и всяких собраниях, кружках, подгруппах и проч. и проч., как можно шире, а нам написать, как рабочие встретили этот призыв. К идее отделения рабочего («популярного») органа и [3] общеруководящего - интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы с.-д. газета стала органом всего движения, чтобы рабочая газета и с.-д. газета сливались в один руководящий орган. Удасться это может лишь при активнейшей поддержке рабочих.

Н. ЛЕНИН.

Сообщил И. ВОЛКОВИЧЕР.

---

14. ОБ'ЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ „ВПЕРЕД" [4].

Давно гнилое в своих основах, давно отжившее свое время, хищное, неумелое, свирепое самодержавие с ужасом увидело в последние годы, что оно стоит перед пропастью. Ни поддержка западно-европейской реакции, ни дозволение пришлым и туземным капиталистам обирать во-всю русский народ, ни грубое турецкое насилие не могли

---

[1] Повидимому, вместо «из» должно быть «в». И. В.

[3] Упускается. И. В.

[3] Повидимому, вместо «и» должно быть слово «от». И. В.

[4] Это об'явление перепечатывается с редкого печатного экземпляра, хранящегося на выставке Истпарта.

Прим. ред.

помешать приближению решительного часа. Передовая часть русского народа, политически созревший русский пролетариат выступал на историческую сцену.

Яркое, мощное движение этой новой народной России, народа городов и фабричных поселений, оживило все запуганные и забитые элементы русской оппозиции. Грозные события, предвестники революции, учащались. Красный призрак появился и начал неуклонно наступать на бесконтрольных хозяев бесправной страны. И русское самодержавие, как и следовало ожидать, потеряло голову. Невежественное и наглое, оно задумало ценой народной крови заглушить недовольство. Оно решило обрушиться на страну, которую считало слабой и некультурной, выступить вождем национальных сил, об'единить их грохотом победных барабанов. Теснимое пролетариатом, главным двигателем исторических событий последних лет, правительство пошло на военный экзамен и, конечно, провалилось.

Короткая и жалкая вакханалия патриотизма сменилась еще более широким и глубоким недовольством. Смерть Плеве послужила поводом к политическому зигзагу, который можно было предугадать. Путем ничтожных уступок, приправленных ласковыми фразами, правительство постаралось купить доверие буржуазного общества, чтобы натравить его на революционеров, мешающих несвоевременными требованиями правильному ходу мирных реформ. Но и этот шарлатанский прием оказался неудачным: даже буржуазные либералы увидели, что от правительства можно требовать больше того, что оно предлагает. Шатание власти, запутавшейся в расставленных ею же сетях, повело только к небывалому оживлению всех оттенков демократического движения в России. Пролетариат может и должен использовать такое положение вещей. Его основной целью является разрушение буржуазного мира и создание на его развалинах мира социалистического. Но, чтобы вырасти в силу, способную осуществить эту великую всемирно-историческую цель, пролетариат нуждается в политической свободе, в свободе слова и печати, собраний и союзов, в демократической республике с всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом. Зачаточное, пока, но глубокое и жизненное, демократическое движение в России превратится в русскую революцию и приведет к необходимой для пролетариата политической свободе только в том случае, если пролетариат с полной сознательностью и со всей энергией обрушится на самодержавие.

Пролетариат должен выступать при этом отдельной сомкнутой колонной, со своими особыми лозунгами, выступать не как слепое орудие буржуазной революции, а как ее наиболее сознательный и наиболее решительный участник и двигатель. Не пролетариат для революции, а революция для пролетариата.

Существуют все данные, чтобы стихийное проявление борьбы пролетариата осветилось истинно-пролетарскими идеями научного социализма, чтобы они возвысились до твердой и неуклонной тактики, чтобы они отлились в прочные формы крепкой социал-демократической организации. Но, кроме внешних данных, важна еще

наличность организующего начала. Таковым может явиться только ядро сознательного пролетариата, т. е. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. На долю нашей партии выпадает трудная и славная задача: куя горячее железо, организовать энергию пролетариата, дать ей верные лозунги, направить ее целесообразными путями. Силы удесятеряются организацией. Организоваться — наша первейшая и настоятельнейшая задача.

Когда содержание партийной работы растет медленно и постепенно, — могут постепенно расти и ее организационные формы. Но при том бурном и порывистом росте, какой проявляют активность и сознательность русского пролетариата, старые формы партийной жизни неминуемо должны разрушаться и воссоздаваться путем острых кризисов. А со старыми формами партийной жизни сживаются и срастаются, как и всюду, отдельные личности и отдельные мелкие группы. Партийные работники, сознавшие необходимость коренной ломки старых форм, являются орудиями новых тенденций и вынуждены действовать безжалостно, не считаясь с чувствами и симпатиями отдельных лиц. Случается, что порывистый шаг вперед вызывает при таких условиях острую реакцию: все сознательные и бессознательные сторонники старого уклада соединяются в один союз, сплачиваемый лишь ненавистью к новаторам, и временно отбрасывают партию на два шага назад. Естественно, что в связи с организационной реакцией появляется при этом и реакция принципиальная.

Именно такой кризис переживает теперь наша партия. Этот кризис—лишь отражение могучего и быстрого роста сил пролетариата. Назревшее стремление стать настоящей организованной пролетарской партией, ища себе выхода в лихорадочной атмосфере нынешнего политического момента, революционно разбивало рамки кружковщины. Реакция была неизбежна и оказалась очень острой. Реакционная вспышка кружковщины разорвала партию. Официальные партийные центры явились поборниками кружковых традиций и приемов; они стали выразителями кружковых интересов. Местные комитеты отстаивали нарождающуюся партийность. Партия лишилась центральных учреждений, центральные учреждения оказались вне партии. Поборники кружковщины, об‘единяющие разнородные элементы лишь враждою к новым требованиям жизни, не могли выставить никаких прогрессивных лозунгов. Отсутствие организационного принципа они стремились возвести в теорию организации процесса. Бессильные справиться с новыми задачами, выдвигаемыми жизнью, они лишь повторяли старые лозунги групп, наиболее отсталых принципиально. Став на наклонную плоскость организационного оппортунизма, они уже докатились и до оппортунизма тактического.

Партия в лице ее местных организаций отстаивала выдержанное направление революционной социал-демократии. Она стремилась удовлетворить новые запросы, выдвигаемые неуклонным ростом революционности пролетариата. И в партии зрело сознание, что ее цен-

тральные учреждения не способны руководить движением рабочего класса; в ней крепло убеждение, что она сама должна искать путей к разрешению новых задач.

Брожение в рабочих массах становится все шире и глубже. Условия исторического момента ручаются за то, что мы стоим накануне перехода движения в новые, высшие формы. Из искры уже возгорелось пламя. Близок день, когда это пламя разольется пожаром народного восстания. Растет ответственность социал-демократии перед пролетариатом. Все острее ощущается потребность в действительном политическом руководстве его борьбой. В такой момент партия не может оставаться без органа.

Руководящий орган должен находиться в тесном общении с партией, в неразрывной связи с движением пролетариата, идя впереди, освещая путь, предостерегая от ложных шагов. Лишь как результат коллективного творчества партии, может он выполнить свое назначение. Будучи руководителем, такой орган должен быть и орудием пролетариата. Его задача—стать его ярким светильником!

Громадное большинство русских комитетов, высказывавшихся о нашем партийном кризисе, выразило недоверие сначала редакции «Искры», а потом и Центральному Комитету партии и потребовало созыва третьего партийного с‘езда. Отказ исполнить это требование и даже прямая борьба центров против созыва с‘езда вынудили местные комитеты об‘единиться между собой, заставили их организовать ряд частных конференций и дать некоторым товарищам полномочие на отстаивание позиции большинства партии в партийной борьбе. Эти товарищи будут заведывать и организационной стороной настоящего предприятия. Коллегия редакторов и ближайших сотрудников газеты «Вперед» составилась из литераторов партийного большинства, сгруппировавшихся ранее вокруг издательства Ленина и Бонч-Бруевича. Издательство это целиком передано теперь нашей газете.

Газета «Вперед» будет выходить не менее двух раз в месяц. Первый номер выйдет в начале января 1905 года.

Адрес для сношений с редакцией из за границы через Экспедицию, а из России—через Комитеты и сторонников партийного большинства.

«Вперед» и «Пролетарий» Истпарт. Вып. I.
Изд. «Красная Новь», 1924 г., Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

